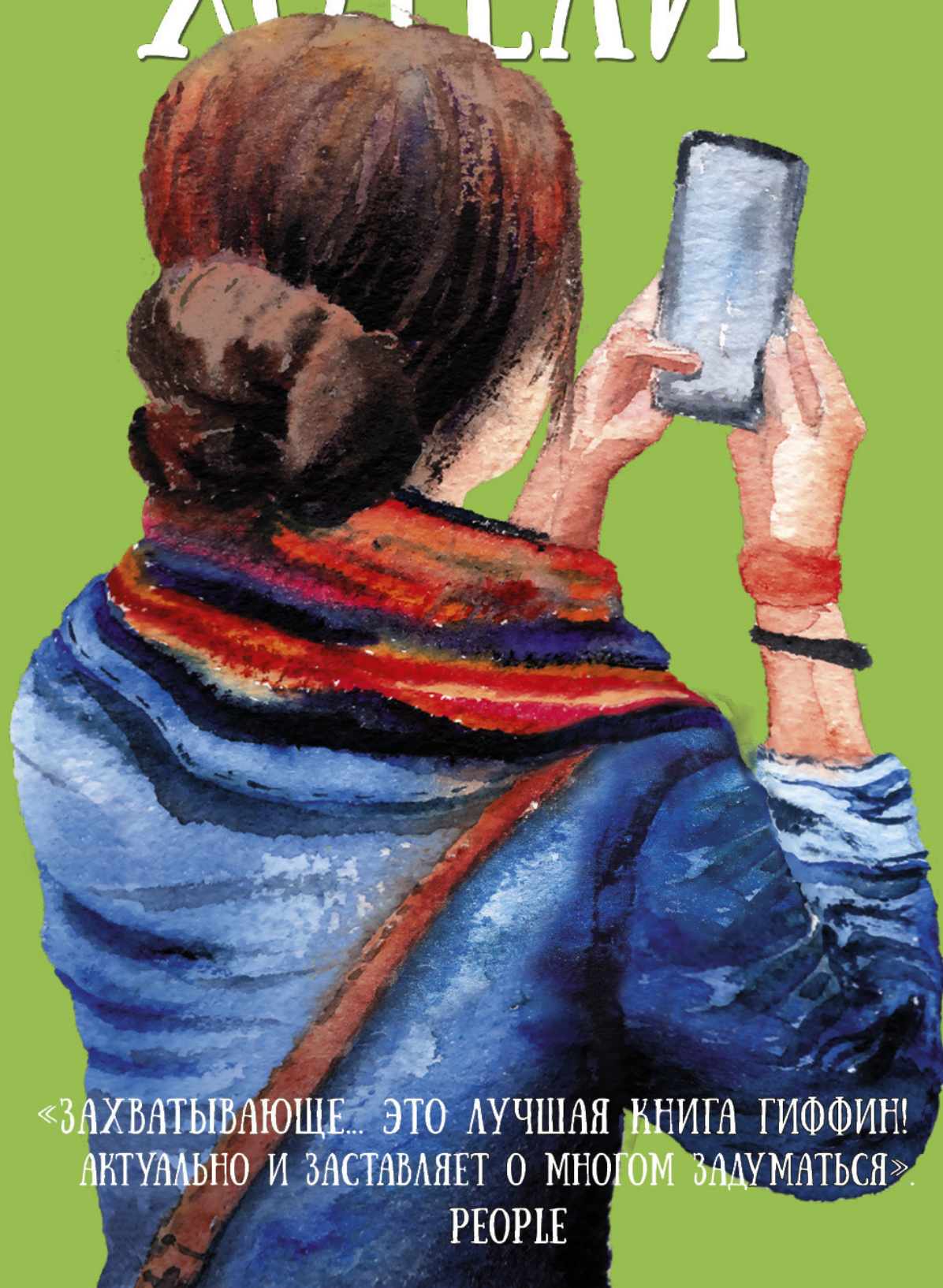

ЭМИЛИ ГИФФИН

ВСЕ, ЧТО МЫ ХОТЕЛИ

«ЗАХВАТЫВАЮЩЕ... ЭТО ЛУЧШАЯ КНИГА ГИФФИН!
АКТУАЛЬНО И ЗАСТАВЛЯЕТ О МНОГОМ ЗАДУМАТЬСЯ».

PEOPLE

Вкус к жизни

Эмили Гиффин

Все, что мы хотели

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гиффин Э.

Все, что мы хотели / Э. Гиффин — «Издательство АСТ»,
2018 — (Вкус к жизни)

ISBN 978-5-17-116879-7

У Нины Браунинг было все, о чем мечтают женщины: муж, владеющий огромным состоянием, сын, поступивший в один из самых престижных колледжей. У Лилы Вольп и ее отца была сравнительно неплохая жизнь: девушка успешно училась в престижной школе, радовала папу и... была влюблена. Если бы не скандальная история, в которую попал ее сын, возможно, Нина Браунинг никогда бы не решилась кардинально изменить свою жизнь и уйти от нелюбимого мужа. Если бы не тот скандал, Лиля Вольп никогда бы не испытала такого унижения... Если бы не тот скандал, Том Вольп никогда бы не познакомился с Ниной Браунинг... Если бы не тот скандал, судьбы героев никогда бы не переплелись так тесно.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-116879-7

© Гиффин Э., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвёртая	23
Глава пятая	34
Глава шестая	42
Глава седьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эмили Гиффин
Все, что мы хотели

*Эдварду и Джорджу,
с любовью и гордостью*

Глава первая

Нина

Всё это началось обычным субботним вечером. Под «обычным» я не имею в виду то, что, как правило, подразумевает большинство американцев. Не то чтобы я жарила с соседями барбекю, ходила в кино или делала ещё что-нибудь из того, чем занималась в детстве. Нет, он был обычным для того образа жизни, который мы вели с тех пор, как Кирк продал свою компанию, выпускавшую программное обеспечение, и мы из состоятельной семьи стали богатой. Очень богатой.

Бесстыдство – вот каким словом назвала всё это однажды моя подруга детства Джули, хотя она говорила не о нас, а ещё об одной моей подруге, Мелани, купившей себе «Ролекс» с бриллиантами на День матери, а потом небрежно заметившей на одном из наших совместных обедов, что поделок, которые слепили детишки, ей «недостаточно».

– Она могла кормить на эти средства целый лагерь сирийских беженцев, – ворчала Джули у меня на кухне, когда остальные гости уже разошлись. – Целый год. Это *бесстыдство*.

Я пробурчала что-то нечленораздельное, пряча «Картье» подальше в угол мраморной барной стойки и напоминая себе, что мои часы, да и вся моя жизнь в целом совсем не такие, как у Мелани. Во-первых, я не покупаю часы сама себе, потому что мне так захотелось, – их подарил мне Кирк на пятнадцатую годовщину свадьбы. Во-вторых, я всегда любила, когда наш сын Финч в юные годы вручал мне самодельные подарки и открытки, и мне было очень грустно, что они стали пережитками прошлого.

Но важнее другое. Не помню, чтобы я когда-нибудь выставяла напоказ своё богатство. Если уж на то пошло, оно меня смущало. Поэтому Джули не стыдила меня деньгами. Она не знала наш точный доход, но примерно представляла, особенно когда отправилась со мной на поиски нового жилья, потому что Кирк был слишком занят, и помогла выбрать дом на бульваре Бель Мид, где мы теперь и жили. Она, её муж и дочери часто посещали наш дом у озера и дом на острове Нантакет; она с радостью принимала от меня в подарок дизайнерские обноски.

Порой Джули распекала Кирка – хотя он не был таким показушником, как Мелани, но зато имел привычки, свойственные элите. Будучи представителем нэшвилльских богачей в четвёртом поколении, Кирк окончил частную школу, а теперь состоял в загородном клубе для избранных, так что имел некоторый опыт в мире снобизма, даже когда ещё не был так бесстыдно богат. Другими словами, Кирк вышел «из хорошей семьи» – этот неуловимый термин, которому никто не давал точного определения, в сущности обозначал фамильное состояние и утончённые, изысканные вкусы. В общем, он – Браунинг.

Моя девичья фамилия, Сильвер, не несла в себе никакого особого статуса даже по меркам Бристоля, города на границе Теннесси и Вирджинии, где я выросла и где по-прежнему жила Джули. Мы не бедствовали – отец писал статьи для бристольской ежедневной газеты, мама преподавала в школе, в четвёртом классе, – но были обычными представителями среднего класса, и шикарным для нас считалось заказать десерт в ресторане. Оглядываясь на прошлое, я думаю: может быть, это объясняло мамину излишнюю озабоченность деньгами. Не то чтобы она была на них заиклена, но всегда могла сказать, у кого они есть, а у кого их нет, кто экономит, а кто живёт не по средствам. Опять же, мама знала всё обо всех жителях Бристоля. Она не собирала сплетен – во всяком случае, грязных, – она просто слишком живо интересовалась делами других людей, начиная с финансов и здоровья, заканчивая политическими и религиозными убеждениями.

Так уж вышло, что мой папа – иудей, а мама – методистка¹. «Живи и давай жить другим» – вот их мантра, девиз, который отразился на моём воспитании и воспитании моего брата Макса. Мы оба приняли для себя наиболее приятные моменты обеих религий – к примеру, Санта-Клауса и Седер², – а еврейское чувство вины и христианские представления о божьей каре оставили за бортом. Это было хорошо, особенно для Макса, который, ещё учась в колледже, признался в нетрадиционной ориентации. Родители и ухом не повели. Если на то пошло, эта новость взволновала их меньше, чем социальный статус Кирка, во всяком случае в то время, когда мы только начали встречаться. Мать уверяла, что просто расстроена, что я рассталась с Тедди, бойфрендом школьных времён, которого она обожала, но я видела здесь лёгкий комплекс неполноценности и беспокойство, что Браунинги смотрят на меня и мою семью сверху вниз.

Откровенно говоря, не имеющая капитала девица из Бристолья, отец которой – еврей, а брат – гомосексуалист, вряд ли была блестящей партией для единственного наследника. Полагаю, и Кирк не считал меня таким уж подходящим вариантом. Но что тут скажешь? Он всё равно выбрал меня. Я всегда убеждала себя, что он полюбил меня за мои душевные качества, за то, что я – это я, точно так же как я его полюбила. Но в последние несколько лет я всё чаще стала задумываться о нас обоих и о том, что свело нас вместе во времена учёбы в колледже.

Должна признать, что, обсуждая наши отношения, Кирк часто упоминал мои внешние данные. Что уж там, *всегда*. Поэтому было бы наивно полагать, что меня полюбили не за внешность – но ведь и меня, в свою очередь, привлекли лоск и надёжность юноши из «хорошей семьи».

Мне было неприятно это осознавать, но я прекрасно понимала, что произошло в тот субботний вечер, когда мы с Кирком взяли такси и поехали на светский раут, пятый в этом году. Мы стали *той самой* парой, думала я, сидя на заднем сиденье чёрного «Линкольна» – супругами в нарядах от Армани и Диор, которые почти не разговаривают. Что-то в наших отношениях пошло на спад. В деньгах ли дело? В том, что Кирк уделял им слишком много внимания? В том, что Финч стал старше, ему требовалось меньше внимания и я не могла найти себя, не занимаясь ничем, кроме филантропии?

Я вспомнила недавний вопрос отца: почему мы с друзьями не пропускаем ни одного светского раута и отдаём *все* деньги на благотворительные цели. Мать заметила, что мы могли бы делать что-то посерьёзнее, работая «в синих джинсах, а не в чёрном галстуке». Это меня задело, и я напомнила им, что занимаюсь и другими делами – например, отвечаю на звонки горячей линии Нэшвилла по предотвращению самоубийств. Конечно, я не стала сообщать родителям, что Кирк порой сводил эту работу к минимуму, заявляя, что у меня лучше получается выписывать чеки. Он предпочитал тратить доллары, а не время; тот факт, что материальные пожертвования вызывают больше доверия, уважения и огласки, был очевиден.

Кирк – хороший человек, говорила я себе, глядя, как он отхлёбывает бурбон из красного одноразового стаканчика. Я слишком строга к нему. К нам *обоим*.

– Выглядишь потрясающе, – вдруг сказал он, обведя меня взглядом, и я размякла ещё больше. – Это платье – просто *невероятное*.

– Спасибо, милый, – ответила я.

– Жду не дождусь, когда сниму его с тебя, – прошептал он очень тихо, чтобы не услышал водитель. Соблазнительно взглянул на меня и налил себе ещё бурбона.

Я улыбнулась в ответ на его слова и подавила в себе желание сказать ему, чтобы он не пил так много. У Кирка не было проблем с алкоголем, но в этот вечер он не ограничился красным

---

¹ Методизм – протестантская конфессия, в XVIII веке отделившаяся от англиканства с требованием последовательного и методичного соблюдения евангельских предписаний. Распространена главным образом в США и Великобритании.

² Седер Песах – ритуальная семейная трапеза в праздник Песах (еврейская Пасха).

вином. Может быть, дело в *этом*, подумала я. Нам обоим нужно было разгрузить графики светских мероприятий. Меньше отвлекаться. Больше жить настоящим. Может быть, осенью, когда Финч начнёт учиться в университете.

– Кому ты уже сообщила? – спросил он, очевидно, тоже думая о Финче, вспоминая письмо о зачислении, которое пришло только вчера.

– Только семье, Джули и Мелани, – ответила я. – А ты?

– Только друзьям по гольфу, – сказал он и отбарабанил имена своих приятелей. – Я не хотел хвастаться... но не смог сдержаться.

Выражение его лица отражало гамму моих чувств – сочетание гордости и невозможности поверить. Финч хорошо учился, зимой был зачислен в университеты Вандербильта и Вирджинии. Но поступить в Принстон было маловероятно. Зачисление стало результатом множества решений – например, записать Финча в Виндзорскую академию, одну из самых престижных и суровых школ Нэшвилла, когда ему было всего пять. С тех пор мы всегда ставили на первый план образование нашего сына, по необходимости нанимали лучших репетиторов, прививали ему любовь к искусству, посетили вместе с ним почти все уголки земного шара. За последние три года мы успели отправить его в поездку по Эквадору, в велосипедный лагерь во Франции и на курсы морской биологии на Галапагосских островах. Я, конечно, отдавала себе отчёт, что мы обладаем несомненным финансовым преимуществом перед другими абитуриентами, и отчего-то чувствовала себя немного виноватой (особенно когда выписывала чек в фонд университета). Но я сказала себе: одних только денег недостаточно, чтобы попасть в Лигу Плюща³. Финч усердно поработал, и я им очень гордилась.

Думай об этом, сказала я себе. Думай о хорошем.

Кирк вновь смотрел в телефон. Я достала свой, вошла в Инстаграм. Подружка Финча, Полли, только что выложила фото их обоих с подписью: *Мы крутые, юхуху! Клемсон и Принстон, встречайте!*

Я показала фото Кирку, зачитала вслух несколько комментариев с поздравлениями от детей наших друзей, которые часто заявлялись к нам домой.

– Бедная Полли, – сказал Кирк. – Всё это и семестра не продлится.

Я не совсем поняла, что, по его мнению, станет причиной – расстояние между Южной Каролиной и Нью-Джерси или просто недолговечность юных чувств, но что-то пробормотала в знак согласия, стараясь не думать об упаковке от презерватива, которую недавно нашла у Финча под кроватью. Не то чтобы это меня удивило, мне просто взгрустнулось при мысли о том, как быстро он вырос и как сильно изменился. В детстве он был таким болтуном, таким не по годам развитым ребёнком, всегда до мельчайших подробностей выкладывал мне, как прошёл его день. Я знала о нём всё, он ничего не скрывал. Но с переходным возрастом пришла некая отчуждённость, которая так и не прошла, и в последнее время мы общались очень мало, как бы я ни старалась сломать барьеры. Кирк убеждал меня, что это нормально, когда мальчик готовится покинуть гнездо. *Ты слишком беспокоишься*, всегда говорил он мне.

Я убрала телефон обратно в сумку, вздохнула и сказала:

– Ну, ты готов?

– К чему именно? – спросил он, допивая бурбон. Мы повернули на Шестую авеню.

– К нашей речи, – уточнила я, имея в виду *его* речь, во время которой буду стоять у него за спиной и морально поддерживать.

Кирк недоумённо посмотрел на меня.

– Речи? Напомни-ка, что это опять за раут?

– Надеюсь, ты шутишь?

---

³ Лига Плюща – это неофициальная ассоциация восьми лучших и старейших американских университетов. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

– Трудно всё это удержать в голове.

Я вздохнула и сказала:

– Раут фонда «Надежда», милый.

– И на что же мы надеемся? – спросил он с ухмылкой.

– Предотвратить случаи суицида, – ответила я. – Мы – почётные гости, забыл?

– Это ещё почему? – удивился он, и это начало меня раздражать.

– Потому что мы проделали большую работу по привлечению в Нэшвилл специалистов психологической помощи, – отгарабанила я, хотя мы оба знали: дело тут в пожертвовании на пятьдесят тысяч долларов, которые мы перевели в фонд прошлым летом, когда покончила с собой новенькая ученица Виндзора. Даже спустя столько месяцев мне было слишком тяжело осознать то, что произошло.

– Да шучу я. – Кирк погладил меня по ноге. – Конечно, я готов.

Я кивнула, думая, что Кирк всегда готов. Всегда на высоте. Самый уверенный и рациональный человек из всех, кого я знаю.

Минуту спустя мы приехали в отель. Молодой красивый камердинер распахнул нам дверь, оживлённо поприветствовал.

– Вы останетесь на ночь, мадам? – спросил он. Я ответила, что приехала только на раут. Он кивнул, протянул мне руку, и я, расправив складки чёрного кружевного платья, направилась к ковровой дорожке. И тут же увидела Мелани, окружённую стайкой друзей и знакомых. Как обычно. Она рванула ко мне, на ходу расточая воздушные поцелуи и комплименты.

– Ты тоже красотка. Новые? – спросила я, коснувшись кончиками пальцев самых роскошных в мире бриллиантовых серёжек.

– Винтажные, но получила только что, – ответила она. – В качестве извинения от сама знаешь кого.

Я улыбнулась и осмотрелась в поисках её супруга.

– Кстати, а где Тодд?

– В Шотландии. Поехал с друзьями играть в гольф. Помнишь? – Она закатила глаза.

– Да, точно, – ответила я, думая, что с глупыми увлечениями Тодда, должно быть, нелегко мириться. В этом плане он был хуже Кирка.

– Придётся тебе поделиться со мной этим господином, – заявила Мелани и повела плечами, когда Кирк, выйдя из машины, подошёл к нам.

– Уверена, он возражать не будет, – ответила я с улыбкой. Как того требовал приличный флирт, Кирк кивнул и расцеловал Мелани в обе щёки.

– Ты великолепна, – сказал он.

Она улыбнулась, поблагодарила его и внезапно воскликнула:

– О господи! Я узнала *потрясающие* новости! Принстонский университет! Представляю, как вы гордитесь!

– Ну да. Спасибо, Мел... А Бью уже принял окончательное решение? – поинтересовался Кирк, переводя разговор на сына Мелани. Они с Финчем дружили с первого класса, и, в общем-то, это стало главной причиной, почему мы с Мел так сблизились.

– Скорее всего, Кентукки, – сказала Мелани.

– Полная стоимость? – спросил Кирк.

– Половина. – Мелани просияла. Бью учился средне, но великолепно играл в бейсбол, поэтому получил предложения от нескольких университетов.

– Всё равно впечатляюще. Поздравляю, – сказал Кирк.

Меня годами преследовало неприятное чувство, что Кирк завидует успехам Бью по части бейсбола. Он часто называл Мелани и Тодда надоедливыми, слишком хвастливыми. Но сейчас ему легко было держать лицо: в конце концов, Финч оказался круче. Принстонский университет круче бейсбола. Во всяком случае, так считал мой муж, и я это знала.

Когда Мелани метнулась поприветствовать очередного друга, Кирк объявил, что отправляется на поиски бара.

– Хочешь выпить? – спросил он, галантный, как всегда в начале вечера. Это к концу он порой начинал вредничать.

– Да. Но я пойду с тобой, – ответила я, желая быть с ним рядом, пусть даже среди толпы. – Можно мы не будем оставаться тут до поздней ночи?

– Конечно. Не вопрос. – Кирк обвил рукой мою талию, и так мы вошли в блистающее фойе отеля.

Вечер прошёл как обычно, начавшись с коктейлей и тихого аукциона. Мне, по большому счёту, ничего не хотелось, но я напонила себе, что все деньги пойдут на благотворительные цели, и приобрела коктейльное кольцо с сапфиром. Потягивала «Совиньон блан», вела светские разговоры, напоминала Кирку, чтобы не пил слишком много.

В определённый момент зазвенели колокола к обеду, бар перестал обслуживать гостей, и мы прошли в роскошный зал, где были накрыты столы. Нам с Кирком досталось место в самом центре, в окружении трёх супружеских пар, которых мы знали довольно хорошо, и Мелани, весь вечер развлекавшей меня язвительными замечаниями по поводу декора (цветочные композиции были расположены слишком высоко), кухни (опять курица?), слишком ярких красных и бордовых нарядов соучредителей раута (почему никто не подумал, как это будет смотреться?).

Когда армия официантов внесла шоколадный мусс, соучредители представили меня и Кирка, сказав несколько слов о том, какой вклад мы внесли в работу этого и многих других фондов. Я села как можно прямее, чуть занервничав, когда услышала слова «итак, без лишних церемоний – Нина и Кирк Браунинги».

Зрители зааплодировали, мы с Кирком встали и прошли к невысоким ступенькам, ведущим на сцену. Рука в руке, поднялись по ступенькам. Моё сердце колотилось от волнения – мне было неловко чувствовать себя в центре внимания. Когда мы поднялись на подиум, Кирк вышел вперёд и взял микрофон, а я стояла рядом, изо всех сил сводя лопатки и натянуто улыбаясь. Когда аплодисменты стихли, Кирк начал речь, сперва поблагодарив соучредителей, потом представителей различных обществ, других меценатов и всех вкладчиков. Потом перешёл к причине, по которой мы здесь сегодня собрались, его тон стал серьёзным и мрачным. Я смотрела на его чёткий профиль и думала, как же он красив.

– У нас с супругой, Ниной, есть сын по имени Финч, – сказал он. – Финч, как многие ваши дети, через пару месяцев оканчивает школу. Осенью он отправится в колледж.

Я смотрела на лица собравшихся, которые мерцали в свете огней, а Кирк продолжал:

– Последние восемнадцать лет вся наша жизнь вращалась вокруг него. Он – самое ценное, что у нас есть. – Он выдержал паузу, опустил взгляд и несколько секунд спустя закончил фразу: – И я не могу себе представить, каково было бы его потерять.

Я опустила глаза, кивнула в знак согласия, ощущая невыразимую боль и сочувствие к каждой семье, которой пришлось столкнуться с суицидом. Кирк уже говорил об организации, но мои мысли по-прежнему были о *нашей* жизни, *нашем* сыне. О возможностях, ожидавших его впереди.

Я пришла в себя, лишь когда мой муж сказал:

– В заключение хочу сказать, что для нас с Ниной большая честь участвовать в работе этого фонда. Мы ведём борьбу за *всех* наших детей. Спасибо вам. И хорошего вечера.

Толпа вновь взорвалась аплодисментами, кто-то из наших близких друзей даже поднялся в знак особого почтения. Кирк повернулся ко мне и подмигнул. Он знал, что справился великолепно.

– Идеально, – прошептала я.

Но всё было далеко не идеально.

Потому что в этот самый момент наш сын на другом конце города совершал худший в своей жизни поступок.

Глава вторая

Том

Считайте это отцовской интуицией, но я чувствовал, что с Лилой происходит нечто ужасное, ещё до того, как это *узнал*. Но опять же, может быть, моё чутьё не имело ничего общего с интуицией, с нашей тесной связью или с тем фактом, что я один воспитываю её, начиная с четырёх лет. Может быть, всему виной был непотребный наряд, в котором она несколько часов назад вознамерилась выйти из дома.

Я убирался в кухне, когда она проскользнула мимо меня в платье до того коротком, что всем желающим была видна её задница, уже и так знакомая во всех анатомических подробностях восьмистам подписчикам её Инстаграма благодаря бесчисленным и, по словам Лилы, стильным фото в бикини, которые она постила, пока я проводил чёткий инструктаж на тему недопустимости размещения пляжных фотографий в соцсетях.

– Пока, пап, – сказала она с натренированной беззаботностью.

– Эй, эй, – я перегородил ей путь к двери, – куда это ты собралась?

– К Грейс. Она за мной заехала, – Лиля указала на окно, – видишь?

– Я вижу, – заметил я, глядя на белый джип Грейс возле нашего дома, – что твоему платью не хватает нижней половины.

Она закатила глаза и повесила на плечо огромную сумку. Я обратил внимание, что дочь не накрасилась. Пока. Я не азартный человек, но я готов был поставить сотню баксов, что к тому времени, как машина Грейс доберётся до Файв-Пойнтс, Лиля намажет глаза своей любимой чёрной дрянью, а развязанные кроссовки сменит на туфли.

– Это называется мода, пап.

– Ты эту *моду* у Софи взяла поносить? – поинтересовался я, имея в виду малышку, с которой Лиля иногда оставалась посидеть. – Хотя оно, пожалуй, и для неё коротковато.

– Смешной ты, – безо всякого выражения произнесла Лиля, глядя на меня одним глазом. Другой скрывала грива выющихся тёмных волос. – Может, тебе в стендаперы пойти?

– Ладно. Послушай, Лиля. В *этом* ты никуда не пойдёшь. – Я старался говорить тихо и спокойно, как советовал психолог, с которым мы общались на недавней лекции в школе Лилы. *Когда мы на них кричим, они доводят нас ещё больше*, – сказала эта женщина монотонным голосом. Я обвёл глазами аудиторию и был поражён, увидев, сколько родителей записывают. Интересно, они впрямь станут в кризисный момент сверяться с тетрадкой?

– Па-ап, – заныла дочь. – Мы просто подделаем домашку с Грейс и ещё кое с кем...

– Домашку? В субботний вечер? За кого ты меня принимаешь, вот честно?

– Скоро экзамены... и ещё у нас большой групповой проект. – Лиля расстегнула молнию на сумке, вытащила оттуда учебник по биологии и предъявила мне в качестве доказательства. – Вот, видишь?

– И сколько мальчиков в вашей исследовательской группе?

Она попыталась подавить ухмылку, но не смогла.

– Переодевайся. Сейчас же, – отрезал я, указывая на её спальню и стараясь не представлять, какой наглядный урок репродуктивной биологии преподнесут ей в таком платье.

– Хорошо, но учти: каждая минута, что мы с тобой препираемся, срезает мне балл.

– Я согласен на средний балл и нормальной длины платье, – ответил я и вновь занялся уборкой, давая понять, что разговор окончен, и чувствуя на себе её взгляд. Потом краем глаза увидел, как она повернулась и с топотом понеслась по коридору, чтобы несколько минут спустя вернуться в каком-то мешке из-под картошки. Я занервничал ещё больше: это означало, что она намерена переодеться на месте. Именно так она дурачила меня с макияжем.

– Не забудь, чтоб к одиннадцати была дома, – сказал я, хотя никак не мог проверить, сможет ли она соблюсти комендантский час, потому что сам намерен был вернуться гораздо позже. Вообще по профессии я плотник, но, чтобы подзаработать, несколько дней в неделю подрабатываю таксистом в «Убере» и «Лифте», а по субботам заказов больше всего.

– Я ночую у Грейс, помнишь?

Я вздохнул, потому что сам ей разрешил, но забыл созвониться с матерью Грейс и уточнить планы. Я сказал себе, что не должен думать о Лиле так плохо. Она, конечно, порой бунтовала и проверяла границы на прочность, как это свойственно всем подросткам. Но я знал, в целом она – хорошая девочка. Умненькая, старательно учится, поэтому и поступила в Виндзорскую академию, до восьмого класса проучившись в обычной школе. Перевод нам обоим дался тяжело. Для меня – из-за дороги (она уже не могла ездить в школу на автобусе) и денег (учёба стоила тридцать штук в год, хорошо хоть процентов восемьдесят этих расходов покрывала финансовая поддержка). А Лиле стало труднее учиться и ещё труднее – сохранять статус. Она никогда прежде не общалась с богатыми детишками, и теперь ей пришлось бороться, чтобы отстоять место в их холёном, отполированном мире. Но теперь, к концу учёбы, она обзавелась друзьями и была вполне счастлива. Её лучшей подругой стала Грейс, девчонка-зажигалка, отец которой работал в музыкальной индустрии.

– Её родители дома? – спросил я.

– Мама да. А папа, кажется, уехал.

– А у Грейс есть комендантский час? – спросил я, уверенный, что есть. Я всего несколько раз видел её мать, но у меня сложилось впечатление, что у этой женщины есть голова на плечах, хотя её решение подарить шестнадцатилетней девчонке новенький джип казалось мне странноватым.

– Есть. Одиннадцать *тридцать*, – сказала Лила чопорно.

– Одиннадцать тридцать? Она же ещё школьница.

– Ну да. Всем можно приходить домой в одиннадцать тридцать или позже. Кроме меня. Я не особенно этому поверил, но, тяжело вздохнув, сдался, давно привыкнув проигрывать.

– Ладно. Но чтоб обе были у неё дома *ровно* в одиннадцать тридцать.

– Спасибо, пап, – сказала она и у самых дверей послала мне воздушный поцелуй, как в детстве. Я сделал вид, что поймал его, и прижал ладонь к щеке – в её детстве я тоже так делал. Но она уже не видела меня. Она смотрела в телефон.

Почему-то я вспоминал лишь этот воздушный поцелуй, когда вернулся домой в час тридцать, вынул из холодильника кружку, налил себе «Миллера» и подогрел позавчерашнего цыплёнка тетрацини⁴. Получив этот поцелуй, больше я за весь вечер не дождался от Лилы ничего – ни звонка, ни смс. Не то чтобы такое поведение было ей несвойственно, особенно когда я работал допоздна, но всё-таки я волновался. Хотя и не задумывался о чём-то трагичном, просто нервничал, что её кто-то совратил.

Несколько минут спустя мобильник зазвонил. Лила. Чувствуя облегчение и вместе с тем по-прежнему беспокоясь, я спросил:

– Всё хорошо?

Повисла тишина, а потом я услышал голос её подруги:

– Мистер Вольп, это Грейс.

– Грейс? А где Лила? С ней всё в порядке? – Я внезапно запаниковал и зачем-то представил дочь в машине «Скорой помощи».

– Да, да. Она здесь. Со мной. У меня дома.

---

⁴ Запеканка из курицы, вермишели, грибов и соуса, названная так в честь оперной певицы Луизы Тетрацини.

– Ей плохо? – Я не мог представить себе другой причины, по которой Лила сама не позвонила бы мне.

– Нет. Ну... не в этом смысле.

– В каком не в этом смысле, Грейс? Позови Лилу к телефону. Сейчас же.

– Это... я не могу, мистер Вольп. Она не может... говорить...

– Почему не может? – Нервничая всё больше, я встал и принялся расхаживать взад-вперёд по кухне.

– Ну, это... – начала Грейс. – Она... немного того.

Я остановился и стал натягивать ботинки.

– Что происходит? Она что-то приняла?

– Нет, мистер Вольп, Лила не употребляет наркотики, – сказала Грейс серьёзным тоном, который немного меня успокоил.

– Твоя мама дома?

– Ну, это... нет, мистер Вольп. Она ушла на благотворительный вечер... но скоро придёт. – Грейс продолжала болтать какую-то чушь о светской жизни своей мамы, но я её оборвал:

– Чёрт возьми, Грейс! Ты можешь объяснить мне, что происходит?

– Ну, хорошо... Лила немного выпила... ну, то есть вот совсем немного... она выпила чуть-чуть вина и, ну, один коктейль... на вечеринке, куда мы пошли, когда доделали домашку. Она просто ничего не ела, думаю, вот поэтому и...

– Она в сознании? – спросил я. Сердце бешено заколотилось при мысли, что Грейс болтает со мной, вместо того чтобы набрать 911.

– Да, да. Она не в отключке. Просто... никак не придёт в себя, и я волнуюсь, и вот решила вам позвонить. Но честно, она не употребляет наркотики и даже обычно не пьёт... ну, насколько я знаю... но я просто отошла ненадолго. Вот честно, совсем ненадолго...

– Так, всё, я еду к вам. – Схватив ключи, я пытался вспомнить, где находится дом Грейс. Я помнил, что в Бель Мид, где жили почти все ученики Виндзорской академии, но я давным-давно подвозил туда Лилу и уже забыл. – Пришли мне эсэмэской свой адрес, Грейс.

– Хорошо, мистер Вольп, – сказала она и вновь принялась бессвязно каяться и опровергать. Где-то между дверью подъезда и машиной я сбросил звонок и побежал.

Привезя домой Лилу в полубессознательном состоянии, загуглив симптомы алкогольного отравления и пообщавшись по телефону с педиатром, я пришёл к выводу, что моей дочери не угрожает смертельная опасность. Она просто напилась, как все глупые подростки. Поэтому мне не оставалось ничего, как только сидеть рядом с ней на кафельном полу туалета и слушать, как она стонет, плачет и без конца повторяет «пап, мне так стыдно, так стыдно». Пару раз она даже назвала меня папочкой – прежде она всегда ко мне так обращалась, но пару лет назад это слово вылетело из её лексикона.

Конечно, она была в том платье, которое я запретил ей надевать, и конечно, её глаза были в чёрных кругах, как у панды. Я не стал читать ей нотаций, понимая, что она всё равно сейчас их не услышит. Я задал ей несколько вопросов, надеясь, что алкоголь подействует на неё как сыворотка правды и я узнаю достаточно информации, чтобы утром устроить ей экзамен.

Наш диалог был весьма предсказуем, в таком духе:

– Ты принимала наркотики?

– Нет.

– Ты выпила?

– Да.

– Сколько?

– Чуть-чуть.

– Где вы были?

- На вечеринке.
- У кого?
- У парня... его зовут Бью.
- Он тоже из Виндзора?
- Да.
- Что случилось?
- Не помню.

И больше я ничего не добился. Может, она *в самом деле* ничего не помнила, а может, говорила мне, что ничего не помнила, но всё, что мне осталось – заполнять пробелы различными неприятными фантазиями. Периодически она плелась в туалет, где её рвало, а я держал её волосы. Когда в её желудке ничего не осталось, я дал ей воды и тайленола⁵, помог почистить зубы, умыться и уложил в постель всё в том же платье.

Сидя в кресле, я смотрел, как она спит, и чувствовал вполне предсказуемую злость, тревогу и разочарование, естественное для отца юной дочери, которая только что облажалась по полной. Но меня мучило что-то ещё. Как я ни старался, я не мог не думать о Беатрикс, единственном человеке, о котором я заботился так же, как сегодня о Лиле.

---

⁵ Американское торговое наименование препарата для облегчения боли и жара и для снятия симптомов аллергии, простуды, кашля и гриппа. Препарат известен по всему миру под неофициальным наименованием Парацетамол.

Глава третья

Нина

Из всех людей на свете именно Кэти Паркер должна была рассказать мне, что натворил Финч.

В детстве и юности у меня были такие заклятые подруги, которые постоянно меня выбешивали. Но самым близким – и, что уж там, единственным заклятым врагом стала только Кэти. На людях мы отлично ладили, общались в одних и тех же компаниях, состояли в одних и тех же клубах, посещали одни и те же вечеринки. Но в душе я терпеть её не могла, и у меня были более чем неопровержимые доказательства, что мои чувства взаимны.

Кэти была из хорошей нэшвилльской семьи, как Кирк, и всегда старалась найти способ меня принизить. Одной из её тактик было подчеркнуть моё происхождение, задав несколько незначительных вопросов о Бристоле или о моей семье, обычно в кругу других людей. Так она, по-видимому, намекала, что, не вписавшись в компанию родственников со стороны мужа, я всегда останусь представительницей нуворишей (я своими ушами слышала, как она употребляет именно это выражение). Ещё она любила делать сомнительные комплименты, так сказать, с подтекстом. Ну, например, «Мне нравится твоё платье! Я знаю чудесную мастерицу, которая тебе его подошьёт». Или заявляла, идя к парковке после занятий на велотренажёрах: «Мне бы твоё терпение, когда у меня что-то не получается!» За этим, как правило, следовало: «Везёт тебе, что ты так потеешь! Все токсины выходят из организма!»

Мелани советовала принимать это за комплименты. Согласно её теории, влившись в компанию Кирка, я присвоила статус первой леди среди элиты Нэшвилла.

– Я не хочу быть первой леди среди кого бы то ни было. К тому же нельзя стать первой леди, если ты из Бристоля, – сказала я.

– Можно, если выйти замуж за Кирка Браунинга, – ответила на это Мелани. – Он великолепен. По сравнению с Гюнтером уж точно.

Я пожала плечами при мысли о супруге Кэти. Гюнтер, как и Кирк, унаследовал семейное состояние, но многое истратил, и, если верить сплетням, на невыгодные сделки.

– И внешности твоей она завидует, – продолжала Мелани со свойственной ей резкостью. – Ты богаче и красивее. И моложе.

Я посмеялась над её словами, но не могла не думать о том, что на колкости Кэти мотивировал исключительно первый пункт. Более того, я была уверена: Кэти понимает, что я насквозь вижу её поганный религиозный фанатизм. Не поймите меня неправильно, я хорошо отношусь к верующим людям, даже к сильно верующим. Кого я терпеть не могу, так это лицемеров, которые носятся со своей набожностью, но при этом не удосуживаются придерживаться даже элементарной этики. В двух ехидных словах, Кэти не только наслаждалась чужими несчастьями, но пользовалась чужими трагедиями, чтобы подчеркнуть свою благочестивость. Едва с кем-то что-то случилось, она самой первой постила молитвы на Фейсбуке, мчалась к пострадавшим с гостинцами и созывала свой клуб изучающих Библию, попасть в который было так же сложно, как на светский раут в Букингемском дворце, поэтому мой отказ туда вступать она восприняла как личное оскорбление. Я вынуждена признать, что некоторые из молитв Кэти были искренними – когда дело касалось вопросов жизни и смерти, например. Но я уверена, она получала удовольствие от чужих неудач и даже наверняка надеялась, что чей-нибудь брак распадется или чей-нибудь ребенок разочарует своих родителей.

Поэтому в тот вечер гала-концерта, встретив меня в дамской комнате, она сорвала джекпот.

– Ой, привет, Нина, – пропела она наигранным тоном, стоя рядом со мной у раковины. Мы переглянулись, улыбнулись друг другу, и я продолжила поправлять макияж. – Ты сегодня чудесно выглядишь.

Кэти обожала слово *чудесно*, поэтому я исключила его из своего лексикона.

– Ты тоже! Поздравляю с поездкой в Италию, – сказала я, потому что она только что победила Мелани на аукционе и заполучила два билета в Рим в салоне первого класса и неделю на вилле в Тоскане.

– Спасибо, дорогая! Мелани не слишком расстроилась? – спросила она с почти нескрываемым лицемерием.

– Нет, что ты, нисколько, – соврала я из любви к Мелани, которая пришла в бешенство от того, как бесстыдно Кэти повышает ставки. – Мне кажется, она даже рада. Тодд терпеть не может, когда она выигрывает путешествия.

– Да, – она кивнула, – я слышала, у него с деньгами не очень...

– Да нет, дело не в этом. Просто даты закрытые...⁶ – Кажется, я слишком откровенно вела себя как стерва. Чувствуя себя разоблачённой и немного смущаясь оттого, что опускаюсь до её уровня, я прибавила жизнерадостным голосом: – Но, конечно, Тоскана прекрасна в любое время.

– Верно, – ответила она холодно. – И потом, я участвовала больше из благотворительных соображений.

– Безусловно, – сказала я и уже не в первый раз обратила внимание, что она почти не моргает. От этого взгляд её больших, широко посаженных глаз раздражал меня ещё больше. Наконец она посмотрела на меня так глубокомысленно, что я не выдержала и спросила, в чём дело.

Она глубоко выдохнула, молитвенно сложила ладони и устремила взгляд в потолок, словно набираясь сил.

– О боже. Так ты не знаешь? – Она внезапно осеклась.

Я уже знала, что означает её лживое сочувствие – вся эта шарада была лишь предвестником очередной сплетни. Вероятно, кто-то перепил за обедом. Или флиртовал с чужой женой во время танца. Или отпустил плохую шутку ниже пояса. На любом благотворительном вечере обязательно что-нибудь такое случится.

– Не знаю о чём? – спросила я вопреки здравому смыслу.

Она вздрогнула, поджала губы и ещё раз медленно, тяжело вздохнула.

– О Финче и снэпчате⁷, – выдохнула она наконец с неуловимой, но безошибочной радостью.

У меня упало сердце, но я велела себе оставаться сильной, не поддаваться на её провокацию, ничего не говорить. Поэтому я просто смотрела на своё отражение и наносила поверх помады ещё один слой блеска.

Очевидно, моё молчание смутило и опечалило её, и ей понадобилось несколько секунд, чтобы снова найти точку опоры.

– Так значит, ты не видела...

– Нет. У меня нет снэпчата, – ответила я, чувствуя лёгкое моральное превосходство человека, независимого от социальных сетей.

Она рассмеялась.

– Боже милостивый, у меня тоже нет. Даже если бы и был, я ведь у него не в друзьях. А фото он явно разослал только им.

– Тогда как же ты его увидела? – спросила я, убирая блеск в косметичку.

---

⁶ Даты, в которые гостиницы и авиарейсы не обязаны обслуживать по установленным тарифам.

⁷ Снэпчат (Snapchat) – мобильное приложение, позволяющее передавать сообщения с прикрепленными фото и видео.

– Кто-то сделал этот снимок, и он распространился по всей Сети. Как пожар... Люсинда переслала его мне несколько минут назад. Во время речи Кирка. Но ты не волнуйся, больше она никому не перешлёт. Она очень тактична, когда речь о таких вещах, и мы строго воспитываем её в плане публичности в соцсетях.

– Как мило с её стороны, – сказала я. Дочь Кэти Люсинда обещала стать такой же любительницей соваться в чужие дела, как её мать. Мысли неслись с лихорадочной скоростью, сменяя друг друга. Что такого вопиющего мог написать Финч? Слишком хвастался Принстоном? Или перебрал с пивом? Я напомнила себе, кто источник моего беспокойства – старая добрая Кэти, которая любит мутить воду, чтобы показаться сперва монашкой, а потом спасительницей. Но всё-таки я волновалась, когда, оторвавшись от зеркала, посмотрела ей прямо в вытаращенные, как у жука, глаза. – И что же было на фото, Кэти?

– Девушка, – выпалила она, понизив голос до громкого шёпота и, очевидно, надеясь, что к нему начнут прислушиваться.

– И что? – Я по-прежнему старалась оставаться невозмутимой.

– Ну... – продолжала Кэти, – девушка была... почти... голая.

– Что? Голая? – Я скрестила руки на груди, не веря её словам. Не может быть, чтобы Финч совершил такую глупость. Всем известно, что за такие фото его непременно отчислят из Виндзора, всё равно что за кражу.

– Ну... полуголая, но...

Я закусила губу, представив модель в нижнем белье или, может быть, слишком откровенное фото Полли, которая одевалась, пожалуй, немного провокационно, но не больше, чем другие девушки. – Ну, – сказала я, повернувшись к двери, – дети иногда такое...

– Нина, – оборвала меня Кэти, – она лежала в отключке. На кровати.

– Кто – она? – выдохнула я.

– Её зовут Лила. Старшеклассница из Виндзора. Латиноамериканка. Может, тебе всё же стоит взглянуть на фото?

Я глубоко вздохнула и посмотрела на экран. Сначала я увидела только девушку, лежащую на спине, одетую или, во всяком случае, явно не голую, и вздохнула с облегчением. Но, приглядевшись получше, обратила внимание на детали. Её маленькое чёрное платье задралось вверху и внизу, как будто кто-то безуспешно пытался его снять или, напротив, торопливо натянул. Она чуть раздвинула бёдра, лодыжки свесились с кровати, босые ступни касались пола. Левая грудь вывалилась из бюстгалтера, сосок торчал.

Были и другие детали, не такие вызывающие, но тем не менее. Беспорядок, какой бывает в комнатах мальчиков-подростков. Желтоватое одеяло. Столик, заваленный бутылками из-под пива и мятыми салфетками. Плакат незнакомой мне группы волосатых, жутких, татуированных музыкантов. И что самое странное – зелёная карточка настольной игры «Уно», зажата в левой руке девушки. Её пальцы крепко сжимали карту, ногти были ярко-красными.

Я несколько раз вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться и надеясь получить какое-то объяснение. Хотя бы выяснить, что общего у этой фотографии и Финча.

– Ты читала комментарии? – спросила Кэти, по-прежнему держа телефон перед моим лицом. Я вновь посмотрела на экран, прищурилась, увидела имя Финча и слова, напечатанные под ним, почти неразличимые. Я прочитала их голосом сына.

Похоже, эта девчонка получила свою зелёную карту⁸.

Мне стало плохо. Возможность хоть как-то оправдать своего ребёнка стремительно улетучилась.

---

⁸ Зелёная карта, она же грин-карта, даёт вид на жительство лицам, которые не являются гражданами США.

– Мне так жаль, – сказала Кэти, медленно убирая телефон и кладя в сумочку. – Особенно ужасно, что это случилось в такой вечер, когда вы с Кирком выступили с такой речью... я просто подумала, надо тебе сообщить.

– Спасибо, – ответила я, хотя мне очень хотелось убить гонца, принесшего дурную весть, или хотя бы пару раз съездить ему по физиономии. Но я понимала, что дело тут уже не в Кэти. – Мне нужно идти... нужно быть с Кирком.

– Да, конечно, – прошептала она торжественно и сжала мою руку. – Сохрани тебя Господь, Нина. Я буду за вас молиться.

Не прошло и тридцати минут, как мы с Кирком мчались домой, и за эти тридцать минут мне успели переслать ту же фотографию ещё несколько друзей, в том числе Мелани, которая билась в истерике, увидев на ней комнату сына.

– О чём он, чёрт побери, думал? – спросила я, когда мы с Кирком стояли по разные стороны кухонной стойки.

– Понятия не имею. – Кирк покачал головой. – Может, это просто глупая шутка в компании?

– *Расистская* шутка в компании? – Меня захлестнула новая волна отчаяния.

– Ну, не такая и расистская, – сказал Кирк.

– Ты серьёзно? Шутка про грин-карту? В высшей степени расистская. Кэти сказала, эта девушка – латиноамериканка.

– Ну, она не похожа на латиноамериканку... просто... брюнетка. Может, итальянка.

Я пристально посмотрела на него и покачала головой, не зная, как отреагировать на его слова.

– Кэти может и наврать, – заметил Кирк и потянулся к бутылке виски, стоявшей на стойке. Я быстро отодвинула её подальше.

– Хорошо. Но смотри, Кирк. Даже если она не латиноамериканка, его комментарий всё равно расистский и направлен против латиноамериканцев, – сказала я строго. – И независимо от расовой принадлежности этой девушки у неё торчит сосок! И если фото выложил Финч, неважно, в шутку или нет...

– ...то у него проблемы, – закончил Кирк. – Это очевидно. Но, возможно, мы чего-то не знаем...

– Например? – спросила я.

– Мало ли. Может, кто-то взял его телефон. Может, это фотошоп. Я не знаю, Нина. Но пожалуйста, давай успокоимся. Скоро мы в любом случае выясним.

Я кивнула и глубоко вдохнула, но прежде чем успела ответить, дверь открылась и в фойе послышались шаги Финча.

– Мы в кухне! – крикнула я. – Можешь подойти к нам?

Секунду спустя явился наш сын в светло-голубой футболке и шортах цвета хаки. Его светлые волнистые волосы были растрёпаны сильнее, чем обычно, и весь его вид был намеренно элегантно небрежным.

– Хай, – сказал он, направляясь непосредственно к холодильнику и лишь мельком взглянув на нас. Открыл его, достал нарезанный ростбиф, схватил несколько ломтей и локтем закрыл дверцу.

– Хоть бутерброд сделай, – сказала я.

– Долго возиться, – ответил Финч.

– Как насчёт тарелки? – Я почувствовала, как во мне вскипает злость. – Можешь ты по крайней мере есть из тарелки?

Он покачал головой, оторвал кусок бумажного полотенца и пошёл в комнату, на ходу набивая рот мясом.

– Куда ты пошёл? – крикнула я ему вслед.

– Телик смотреть, – ответил он, не оглядываясь.

– Вернись, пожалуйста, – велела я, обогнув стойку и встав рядом с Кирком. – У нас с папой к тебе серьёзный разговор.

Я посмотрела на Кирка, который с ничего не выражающим видом барабанил пальцами по краю стола. Я толкнула его локтем и смерила сердитым взглядом.

– Слушай, что говорит мама, Финч, – сказал Кирк. – Мы хотим поговорить.

Финч повернулся и посмотрел на нас скорее сконфуженно, чем испуганно, и я задумалась, сколько он выпил.

– Что такое? – поинтересовался он, засунув в рот последний кусок ростбифа и жуя.

– Сядь, пожалуйста, – сказала я, указывая на банкетку. Финч сел, и его лицо приняло вызывающее выражение.

– Как прошёл вечер? – спросила я. Он пожал плечами и сказал, что хорошо.

– Что ты делал?

– К Бью смотался.

– У него была вечеринка?

– Нет. Не вечеринка. Просто несколько человек пришли в гости. Что за допрос с пристрашием?

Я вновь пихнула Кирка локтем, и он рассеянно пробормотал: «Повежливее с матерью». Финч буркнул: «Извини», – и запустил руку в волосы. Я ждала, пока он вновь посмотрит на меня, прежде чем задать следующий вопрос:

– Ты пил?

Я не знала, какой ответ хочу услышать. Если он был пьян, это лучше или хуже?

– Ну да, – ответил Финч. – Выпил немного пива.

– Сколько? – Я подумала, что нам с Кирком надо было строже воспитывать его в этом плане. Мы никогда не давали ему разрешения употреблять алкоголь, но сквозь пальцы смотрели, куда он ходит, и, в общем-то, именно поэтому разрешали ему сколько угодно тратить на такси.

– Ну я не считал, – сказал он. – Бутылки три или четыре.

– Это слишком много, – отрезала я.

– Но я же был не за рулём.

– Ты просто умница! – воскликнула я. – Надо тебе медаль выдать.

Финч тяжело вздохнул и сказал:

– Ну чего ты так злишься, мам? Ты знаешь, что я иногда выпиваю.

– Мы очень, очень расстроены, Финч. Но дело не в пьянстве. – Я набрала в грудь побольше воздуха, вынула из сумочки телефон, открыла фотографию, которую сохранила, и передала телефон Финчу.

– Где ты это взяла? – спросил он. У меня упало сердце.

– Миссис Паркер показала это фото маме. Сегодня вечером, – ответил Кирк.

Финч посмотрел на меня. Я кивнула.

– Да, представь себе. Но неужели тебя волнует только, где *мы* её взяли?

– Да я просто спросил, – сказал Финч.

Я вздохнула и задала следующий вопрос:

– Это ты снимал?

– Мам, долго рассказывать... всё не так плохо, да она и не будет очень злиться.

– Кто она?

– Да так, девчонка, – ответил он.

Я прокручивала в голове его слова, и меня всё сильнее мутило.

– У девчонки есть имя?

– Ну да. Лила Вольп. А что?

– *А что?* А то, что ты выложил её фото в полуголом виде, Финч. Вот *что!* – Я чувствовала, что вот-вот забьюсь в истерике.

– Я его не выложил. Просто отослал кое-кому. И она не полуголая, мам.

– Я видела её сосок, Финч, – сказала я. – Это всё равно что голая.

– Ну не я же её раздел.

– Это радует, – съязвила я. – Хоть за насилие тебя не привлекут.

– Насилие? Да ты чего, мам? Ты с ума сошла. – Он устало вздохнул. – Никто её не насиловал. Она просто напилась и отключилась. Это не мои проблемы.

– Нет, сын, это *твои* проблемы, – сказал Кирк, как будто до него только что дошла серьёзность ситуации. – Многие люди увидели это фото. Оно разошлось по Сети.

– И... *грин-карта*, Финч? Ты серьёзно?

– Это просто шутка, мам.

– *Расистская* шутка, – отрезала я. – Ты выкладываешь в Сеть фото полуголой девушки в отключке, а потом отпускаешь расистскую шутку.

– Извини, – сказал он тихо и опустил глаза.

– За что? За то, что ты это сделал? Или за то, что попался?

– Ну хватит, мам. Пожалуйста, хватит. Ну правда, извини.

– О чём ты думал? Что творилось в твоей голове?

Финч пожал плечами.

– Ни о чём.

– Ни о чём? *Ни о чём?* – Его ответ окончательно выбил меня из колеи, хотя, наверное, это было лучше, чем если бы он намеренно хотел сделать кому-то гадость. Но результат всё равно был бы такой же. Последствий это не отменяло.

Он не ответил, и я разозлилась ещё больше.

– Как ты мог так поступить, Финч? Я просто не понимаю. Это так... жестоко! Разве мы с отцом так тебя воспитывали?

– И неужели ты не понимаешь, чем рискуешь? – Кирк наконец тоже повысил голос. – Как глупо и безответственно ты поступил? Тебя могут *исключить!*

– Хватит, пап, это просто бред, – сказал Финч.

– Нет, не бред, – отрезала я. – Вполне может быть. Забудь о Виндзоре и готовься к суду.

– По какой статье? – спросил Кирк у меня, словно я была экспертом по правовым вопросам.

– Не знаю, я не юрист. – Я почти кричала. – Оскорбление личности? Детская порнография?

– Порнография? Ты чего, мам? – возмутился Финч.

– Ну да, это явно не порнуха, – вмешался Кирк.

– Никто уже не говорит «порнуха», – заметила я.

– Тем не менее это не она, – пробормотал он.

– Здесь достаточно обвинений, чтобы завести дело, – сказала я. – Не сомневаюсь. К тому же эта девушка и её родители могут потребовать компенсации за моральный ущерб...

– Мам, не было никакого морального ущерба, – уверил Финч.

– Не было? – Я не верила своим ушам. – Ты-то откуда знаешь? Ты её спросил? Ты вообще задумался о её чувствах?

– Да всё с ней будет нормально, мам. Такое сплошь и рядом случается.

– *Случается?* Это не само по себе случилось, Финч. Это сделал ты! – Я опять сорвалась на крик. Кирк сделал мне знак замолчать и сказал:

– Послушай. Дело здесь не в девушке.

– Не в девушке? А в чём тогда, Кирк? Просвети меня.

Кирк откашлялся.

– Дело в его неспособности мыслить логически. – Он повернулся к Финчу и сказал: – Сын, сегодня ты совершил абсолютно безрассудный поступок, который может существенно испортить твоё будущее. Тебе стоит подумать...

– Не просто подумать. Почувствовать, – вмешалась я. – Ты не можешь так поступать с людьми.

– Я ничего такого не сделал, мам. Это просто...

– Бездумный поступок, – закончил за него Кирк.

– К сожалению, всё не так просто, – сказала я.

Потому что в глубине души я знала, что даже если все до единого удалили эту фотографию и Лиля, её родители и администрация школы никогда о ней не узнают, и Финч по-настоящему раскаялся, всё равно *всё* изменилось. По крайней мере для одного из нас.

Глава четвёртая

Том

Никогда не забуду, как впервые увидел Беатриз. Я сидел в дешёвом баре на Файв-Пойнтс в те далёкие времена, когда восточный Нэшвилл ещё не стал притоном хипстеров и там ошивались все. И я тоже. В таком месте не часто встретишь красивую девушку, тем более одну, но она была сама по себе, и уже это привлекало. А она к тому же была моего типажа – тёмные волосы, тёмные глаза, смуглая кожа, фигура что надо. Узкое красное платье усиливало впечатление.

– Даже не думай, – сказал я своему приятелю Джону, не сводя с девушки глаз. Джон рассмеялся.

– О ком? Об этой Джей Ло?

– Да, – сказал я.

– Почему? Ты с ней спишь? – Джон жевал соломинку и смотрел, как девушка идёт мимо нас. Шумный и красивый, он притягивал горячих девчонок, особенно в барах поздними вечерами.

– Пока нет, но я это исправлю, – ответил я, тоже рассмеявшись. – А потом, может, и женюсь на ней.

Джон расхохотался.

– Круто. – Он спрыгнул со стула и хлопнул меня по спине. Когда девушка оказалась совсем рядом, добавил:

– Удачи, чувак.

Она посмотрела на него и перевела взгляд на меня, прекрасно понимая, почему мне понадобится удача.

– Можно? – спросила она, указывая на освободившийся стул.

– Да, – ответил я, вдохнув запах её волос. Они пахли как масло для загара, если вылить на себя целый тюбик. Кокосом, что ли.

Я пытался придумать что-нибудь остроумное, но ничего не выходило, и я просто сказал правду:

– Я не мастер пикапа, но... ты самая красивая девушка, что я видел. – Потом, осознав, как это банально, я прибавил: – В этом баре.

– В этом баре? – переспросила она и рассмеялась залихватистым, сексапильным смехом. Я заметил, что её правый передний зуб очаровательно неправильной формы. Она обвела глазами бар и не слишком привлекательных девушек напротив меня.

– Ну ладно, не только в этом баре, – сдался я, уже не боясь показаться излишне льстивым. Она и была самой красивой девушкой, что я видел.

– Ты точно не мастер пикапа?

Я уловил её акцент. Тоже очаровательный. Покачал головой и промямлил:

– Ну... может, и да... но я не хочу просто флиртовать с тобой. Я хочу узнать тебя... узнать о тебе всё...

Она вновь рассмеялась своим бесподобным смехом.

– Прямо всё?

– Всё, – подтвердил я и принялся засыпать её вопросами: – Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Откуда ты?

– Беатриз. Двадцать пять. Из Рио, – на последнем слове она округлила чувственные губы в точности того же оттенка, что и платье.

– Это в Бразилии?

Она улыбнулась и спросила, знаю ли я ещё какое-нибудь Рио. Подошёл бармен, и она, не раздумывая, как раздумывают большинство девушек, заказала напиток, о котором я никогда не слышал, грохочущий раскатистыми «р». Потянулась за огромной плетёной сумкой, которая, судя по её виду, должна была пахнуть марихуаной или хотя бы ладаном. Я остановил руку Беатриз.

– У меня есть личный счёт в этом баре, – сказал я. Она улыбнулась и посмотрела мне в глаза.

– Может, у тебя и имя есть?

– Томми... Том... Томас, – пробормотал я, потому что меня называли то так, то эдак.

– Как тебе больше нравится? – спросила она.

– Как тебе больше нравится, – сказал я.

– Я хочу танцевать, Томас, – внезапно заявила она, откинув назад плечи и волосы.

Я удивился, что она предпочла называть меня полным именем. При словах о танцах я покачал головой.

– Что угодно, только не это. – Я рассмеялся. Она в шутку надула губы, и я про себя взмолился, чтобы мы по-настоящему сблизились – так, чтобы ссориться, и всерьёз надувать губы, и страстно мириться.

– Ну пожалуйста. – Она чуть наклонила голову.

– Я не умею танцевать, – признался я, когда бармен принёс коктейль и поставил перед ней.

– Все умеют танцевать, – заметила она, покачивая плечами в такт «Свободной птице»⁹. – Надо просто двигаться под музыку.

Она выжала лайм в бокал, размешала тонкой соломинкой и сделала глоток. При виде того, как её полные губы коснулись стекла, а волосы густой волной упали ей на лицо, у меня перехватило дыхание. Я отвёл взгляд, тоже заказал выпивку. Я уже был немного пьян, но решил, что для храбрости нужно ещё. Сильно напиваться мне не хотелось – я надеялся сохранить в памяти наш разговор до мельчайших подробностей. Я спросил у неё, что она делает в Нэшвилле, и она рассказала, что присматривает за двумя малышами в Brentwude, а сегодня у неё выходной. Потом добавила, что Нэшвилл любит за музыку.

– Ты тоже музыкантша? – спросил я, зная, что музыкантов здесь пруд пруди, и всё же заинтригованный.

Она кивнула.

– Я певица. Во всяком случае, хочу ею стать.

– И в каком жанре выступаешь?

– Сертанежу. Бразильский музыкальный стиль... песни о музыке, о любви... о разбитых сердцах...

Я кивнул, заворожённый.

– Может, как-нибудь мне споёшь?

– Может быть. – Она одарила меня медленной улыбкой. – А теперь ты расскажи о себе,

Томас. Ты из Нэшвилла?

– Да. Родился и вырос.

– В какой части Нэшвилла? – спросила она.

– В этой самой, – ответил я. Она рассмеялась и коснулась большим пальцем нижней губы.

– Что, прямо в баре?

– Нет. – Я улыбнулся. – Я имею в виду, – в восточном Нэшвилле. На этом берегу реки.

Она кивнула, будто поняла, что я имею в виду – что река Камбелэнд отделяет гламурный город от моего грязного захолустья.

---

⁹ Free Bird – композиция американской рок-группы «Lynyrd Skynyrd».

– Почему же ты не на Нижнем Бродвее?¹⁰ – спросил я, про себя прибавив «с другими красотками».

– Потому что там не встретишь таких мужчин, как ты. – Она улыбнулась, и я улыбнулся ей в ответ. Мы немного помолчали, потом она спросила:

– А ты чем занимаешься, Томас? Кем работаешь?

– Я плотник, – сказал я, опустив глаза и постукивая большими пальцами по барной стойке. Я был готов к тому самому взгляду, каким смотрят на тебя девушки, когда узнают, что ты не работаешь в офисе и лишь полтора года проучился в колледже, а потом остался без денег, был отчислен и пошёл обрабатывать древесину.

Но если она и была разочарована, то виду не подала. Казалось, она даже заинтригована, хотя с моей стороны глупо было так думать. Я встречал девушек, которые первое время ввали мне, будто им нравятся мужчины, умеющие работать руками. Я был рад, что она не стала врать. Она просто спросила:

– Значит, ты делаешь мебель?

– Ну да.

– Какую?

– Любую, – ответил я. – Столы, полки, шкафы, парты. Я люблю делать выдвижные ящики.

Она рассмеялась.

– Ящики?

– Да. Ящики, – ответил я. – только не такие, которые скрипят и дребезжат по металлу, а гладкие, полностью из дерева... соединённые «ласточкиным хвостом»... они словно шепчут, когда их выдвигашь. – Я тихо присвистнул.

Она наклонилась ко мне ближе и кивнула, словно понимала артистизм моего искусства. Искусства делать мебель, которая, может быть, станет фамильной. Хотя до этого мне было далеко. Я закончил обучение, но освоить предстояло ещё многое.

– Значит, ты делаешь будущий антиквариат? – Она придвинулась совсем близко, я ощутил щекой её тёплое дыхание.

– Да, – ответил я. Она была магнитом, силовым полем, и я не смог удержаться от поцелуя. Я прижался губами к её губам, ощутил вкус алкоголя и лайма. Её губы были божественны, моё сердце едва не взорвалось. Несколько пьянящих секунд – и она оторвалась от меня, чтобы сказать мне, что пусть я и не умею танцевать, но целуюсь превосходно.

Я с трудом взял себя в руки и ответил:

– Ты тоже.

– Можно задать тебе вопрос, Томас? – прошептала она мне на ухо.

Я кивнул. В глазах мутилось.

– Ты занимаешься любовью, как танцуешь? Или как целуешься?

Моя кожа горела огнём. Я посмотрел Беатриз в глаза и сказал, что она может и сама это выяснить.

Спустя ещё несколько часов, коктейлей и даже танцев мы отправились в мою убогую студию и занялись просто потрясающим сексом. В двадцать девять лет, не будучи связан отношениями, я и раньше порой проводил ночь с едва знакомой девушкой, но в тот раз всё было иначе. Мы занимались любовью.

До того, как я встретил Беатриз, я считал, что любовь с первого взгляда невозможна. Но она разрушала все правила, любую логику. Она была потрясающей. Невероятной.

Не прошло и трёх месяцев, как мы поженились и она забеременела. Хотя, если честно, эти события произошли в обратном порядке, но какая разница. Я в любом случае собирался на ней жениться. Беременность лишь ускорила процесс и прибавила проблем. Ну, например,

---

¹⁰ Нижний Бродвей – развлекательный район в Нэшвилле.

моя мама невзлюбила Беатриз, решив, будто она намеренно залетела, чтобы выскочить за меня замуж и получить гражданство. Я имел неосторожность поделиться этими соображениями с Беатриз; она, разумеется, была задета, и так я выяснил, что умение прощать не относится к числу её достоинств. Сильный характер она унаследовала от отца, ортопеда, работавшего с национальной футбольной командой Бразилии, который, в свою очередь, и так злился на Беатриз за то, что она уехала в Штаты, решив стать певицей; тот факт, что её вдобавок обрюхатил какой-то плотник, никак не мог пойти на пользу их взаимоотношениям, тем более что мачеха, ставшая Беатриз весьма паршивой заменой матери, всячески подливала масла в огонь. Классическая история Золушки.

В общем, обе стороны весьма прохладно отнеслись к нашему браку, друзья тоже разбежались, и каждую свободную минуту мы проводили вдвоём. Это было, наверное, неправильно, но нам казалось, что мы двое против целого мира. Мы были непобедимы и неутолимы. Даже когда на сцене появилась Лиля в самом расцвете колик и Беатриз, пережив послеродовую депрессию, оставила мечты стать певицей, а я хватался за любую грязную работу, чтобы сводить концы с концами, наши чувства не гасли.

Но где-то вскоре после того как Лиля отпраздновала второй день рождения, что-то начало меняться. Любовь стала больше похожа на похоть и уже не могла победить всё остальное. Оба мы были несдержанны, оба склонны ревновать, ссоры участились. А может быть, просто стало меньше секса, и от этого казалось, что участились ссоры. Беатриз обвиняла меня во всех смертных прегрешениях, отказывалась куда-то идти, говоря, что слишком устаёт и ей ничего не хочется. Какое-то время я верил в её теории и чувствовал себя виноватым, никуда не годным супругом. Я обещал ей, что буду меньше работать, что мы будем чаще веселиться. Но понемногу я начал понимать, что представления Беатриз о веселье сводились к пьянству. Безудержному. Не то чтобы я сам был против того, чтобы выпить немного пива. Но Беатриз всё чаще и чаще надиралась в хлам, а похмелье лишь усугубляло депрессию. На следующий день она не могла ничего делать, мне приходилось отпрашиваться с работы и сидеть с Лилой. И, конечно, мы ссорились ещё больше.

Вдобавок она начала мне врать. По мелочам – прятала от меня телефон, ноутбук. Но я перестал ей доверять и понемногу начал разочаровываться. Хотя, конечно, по-прежнему её любил, потому что она была Беатриз и к тому же матерью моего ребёнка.

И однажды летним вечером, вскоре после того как мы перебрались в бунгало на Эвондейл-драйв (где я по сей день живу с Лилой), случился скандал. Он разгорелся ещё утром, когда я предложил сходить куда-нибудь всей семьёй, троём. Может быть, в зоопарк, или на пикник в парке, или в гости к моей маме, которую Беатриз по-прежнему ненавидела, но терпела, потому что та порой сидела с малышкой.

Я хотел таким образом наладить отношения, но Беатриз быстро меня обломала, заявив, что собирается на барбекю с друзьями. Я спросил, с какими друзьями, она ответила. Мне не нравились эти люди, не нравилось, какой она становится в их кругу. Я сказал ей об этом, она наговорила мне ответных гадостей, завязалась перепалка, она заявила, что всё равно пойдёт туда и возьмёт с собой Лилу.

– А меня пригласили? – спросил я, что было очевидной глупостью. Она пожала плечами и сказала, что если я хочу, то, конечно, могу пойти с ней, но если не хочу, она поймёт. Я решил отправиться в мастерскую, надеясь, что работа меня успокоит. Но поздно вечером, уже убрав на место инструменты, я почувствовал: что-то не так. Поэтому я нашёл адрес её друзей из Инглвуда и отправился на вечеринку.

Едва приехав, я сразу же заметил Беатриз, танцующую прямо на крыльце с лузером, которого я видел у неё в друзьях на «MySpace». Обе его руки лежали у неё на заднице и, судя по всему, не в первый раз там оказались. Лилы поблизости не было. Я в ярости выпрыгнул из машины и по лестнице поднялся в дом.

– Где Лила? – спросил я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не дать этому типу в морду. Он сразу же убрал руки с задницы Беатриц, и его лицо приняло виноватое выражение. Точно такое же я ожидал увидеть на лице жены, но она лишь бесстыдно тарасилась на меня, очевидно, пьяная или под кайфом, а может, и то и другое.

– Где Лила? – Я уже кричал.

Все замолчали и посмотрели на меня, кроме Беатриц, которая сказала:

– Господи, Томас. Расслабься. Она была здесь. Только что.

Я вновь посмотрел на неё и увидел, что из-под майки у неё торчит купальник, а волосы, стянутые в узел, мокрые. Значит, она недавно плавала. Значит, у этих идиотов есть бассейн. Вне себя от волнения, я растолкал собравшихся, обежал весь дом, выскочил на высокое крыльцо. С него я оглядел сад и, конечно, увидел бассейн, возле которого детвора играла в жмурки, а Лила, одна-одинёшенька, сидела у самого края, возле чёрной надписи «Глубина три фута» – не такая уж большая глубина, но тем не менее опасная для четырёхлетней девочки, посетившей лишь пару уроков плавания.

Я сбежал вниз по лестнице и помчался к ней, громко крича её имя. Конечно, я видел, что она в безопасности, но меня не отпускало чувство, будто, пока я бегу к ней, может случиться страшное. Её испугал мой голос – может быть, она подумала, что делает что-нибудь плохое, – и она подалась вперёд, едва не свалившись в воду. Я сжал её в объятиях и стал покрывать поцелуями. Я знал, что не нужно так волновать ребёнка, но не мог остановиться. Держа её на руках, я рванул в машину, обежав вокруг дома. Не знаю, где в этот момент была Беатриц и видела ли она нас, но если видела, она за нами не пошла. Я пристегнул Лилу к сиденью, отвёз домой, вымыл и накормил, снова и снова ощущая весь пережитый ужас. Наконец уложил её в свою кровать, и мы оба уснули. Беатриц даже не позвонила.

Не знаю, во сколько она вернулась домой. Я проснулся в полночь, увидел её и сказал:

– *Выметайся*. Со мной ты спать не будешь.

– Это и моя кровать.

– Только не сегодня.

– И где я, по-твоему, должна спать? – спросила она.

– Где хочешь. На диване. Мне всё равно, только не здесь.

Мы разругались. Никто не пытался извиниться, мы лишь обвиняли друг друга. *Я её опозорил*. Я психопат. Я параноик и ревнивый засранец. Она оставила Лилу одну лишь на три минуты.

– Трёх минут хватит, чтобы утонуть! – крикнул я. – Сто восемьдесят секунд – и мы бы её потеряли. Навсегда.

Мы топтались на месте, снова и снова повторяя одно и то же. В порыве чувств я назвал её алкоголичкой. Она спросила, чего я ожидал, влюбившись в девушку, с которой познакомился в баре. Как будто гордилась этим.

– Ты *паршивая* мать! – кричал я.

– Это не меняет того, кто я есть! – Она гордо вскинула подбородок.

– А кто *ты есть*? – спросил я. – Девчонка, которая спит с первым встречным?

Она оцепенела, будто я отвесил ей пощёчину.

– Значит, вот как ты обо мне думаешь? – спросила она с сильным акцентом, когда-то восхищавшим меня, а теперь ненавистным.

Я сказал – да, потому что не мог выбросить из головы образ Лилы, сидевшей на краю бассейна. Я сказал, что я её не уважаю, что она никуда не годная мать и что Лиле было бы лучше без неё. Что лучше уж вообще никакой матери, чем такая. Я ожидал встречных обвинений, но она лишь закусил губу и сказала:

– Ну, наконец-то я узнала, что ты на самом деле обо мне думаешь, *Том*.

Потом повернулась и вышла из спальни, закрыв за собой дверь. Я занервничал, чувствуя, что слишком далеко зашёл. Что я жестокий лицемер – ведь я был счастлив, что мы переспали в первую же ночь. Я по-прежнему любил её и знал, что всегда буду любить, но вместе с тем я знал, что мы движемся к разводу. Я представлял, как мы пытаемся поделить нашего ребёнка, как Лила живёт на две семьи. Я представлял отчимов, сводных братьев и сестёр, ссоры и скандалы. Представлял бессильную ненависть.

Но даже в самых жутких, отвратительных фантазиях я не мог представить того, что увидел утром: неряшливо нацарапанную записку на столе, сообщавшую, что Беатрикс от нас уходит. Я сказал себе, что она не всерьёз. Что она, конечно, вернётся.

Но дни сменялись неделями, недели – месяцами. Я звонил, и писал, и отправлял сообщения, иногда взволнованные, чаще злые, но не получил ответа. Я был разъярён, сконфужен, унижен, я очень страдал. Я жалел себя и невыносимо жалел Лилу.

Хуже всего было то, что я не знал, как всё объяснить дочери. Я говорил себе даже, что Беатрикс нет в живых, я вспоминал свои слова в ту ночь и убеждал себя, что без неё нам в самом деле лучше. Больше я никак не мог себя успокоить. Я понял, почему она ушла. Я действительно перегнул палку, я наговорил гадостей. Но я был не в силах понять, почему она не вернулась. Матери так себя не ведут. Отцы сплошь и рядом уходят из семьи, чтобы обзавестись новой или жить в одиночестве. Но матери всегда остаются.

Она ушла – вот и всё, что я мог сказать Лиле.

– *Куда ушла?* – спрашивала Лила, порой сквозь слёзы, хотя обычно изначальная причина этих слёз была в чём-то другом.

Я всегда отвечал уклончиво – в одно красивое место (на пляж в Бразилии? На небеса?), но всегда старался не врать. Ей и так непросто было это пережить, даже без лживых комментариев отца.

Со временем воспоминания Лилы о матери выцвели, и эта тема стала подниматься всё реже и реже. Моя мать помогала как могла со стрижками и нарядами, со всеми девичьими радостями и горестями. Это спасало. Но большую часть времени я был отцом-одиночкой. Я готовил и стирал, утром провожал её до автобуса, днём встречал, вечером укладывал спать. Я подстраивал свой рабочий график под её распорядок и практически отказался от личной жизни. Время от времени я ходил на свидания – мама соглашалась посидеть с Лилой – но ничего серьёзного не вышло. Отчасти потому, что я не встретил никого подходящего, отчасти потому, что у меня не было ни времени, ни сил, ни денег на кого-то, кроме Лилы. Если вам кажется, будто я жалею, то вы правы. Воспитывать детей нелегко, даже если вы делите эти обязанности с супругом. В одиночку – это грёбанный ад.

Но мы справились, и я гордился тем, какую прекрасную дочь воспитал. Лила выросла красивой, умной, доброй, и весь мой мир вращался вокруг неё. Мы оба забыли о Беатрикс и продолжили жить своей жизнью.

Но спустя пять лет она внезапно вернулась. Безо всякого предупреждения. В девятый день рождения Лилы. Настолько неудачно выбранное время, что я хочу предупредить всех без вести пропавших родителей: пожалуйста, налаживайте контакты со своими детьми *до* или *после* их дня рождения. Заявиться *в сам* день рождения или ещё в какой-нибудь важный для них день – не только нарциссизм, но и самая настоящая жестокость. Особенно если ваш ребёнок не ожидал, что вы вообще вернётесь. Особенно если вас не было так долго, что он вообще *думать* о вас забыл.

В тот год я, как сумел, устроил праздник – у меня никогда не получалось ничего спланировать заранее, а приглашать организаторов было бы слишком дорого. Так что я просто предложил Лиле пригласить трёх подружек с ночёвкой. У неё день рождения в июне, и нам всегда везло с погодой, но тот вечер выдался просто потрясающий. Девчонки бегали по саду, брызгая где попало водой из пульверизатора, а я жарил хот-доги и гамбургеры. Потом был шоколад-

ный торт (спасибо маме), и Лила открывала подарки. Потом все четверо забрались в спальные мешки и заявили, что хотят смотреть фильм, пожалуй, слишком жутковатый для их возраста, но я спросил, разрешают ли им родители смотреть фильмы с рейтингом 13+, и они ответили, что да. Чувствуя себя замечательным папашей, я отправился спать.

Меня разбудила Лила, трясая за плечо. Вид у неё был изумлённый.

– Сколько времени? – спросил я.

– Не знаю, – ответила она, потому что дети никогда не знают.

– Что случилось? – Я взглянул на часы и увидел, что почти полночь. Лила села на край кровати и произнесла слова, поразившие меня едва ли не больше всего в жизни.

– В дверях стоит мама, – сказала она, – и хочет с тобой поговорить...

На этом воспоминании я и уснул в ночь после того, как Лила вернулась со своего блевотного фестиваля. Проснулся я рано утром оттого, что зажужжал её телефон. Я поднялся и подошёл к кровати Лилы, убедился, что она ещё спит, потом взял телефон и набрал 1919 – пароль, который вбил несколько дней назад. В глубине души я надеялся, что она его поменяла, но цифры сработали, и я получил полный доступ к личной жизни моей дочери. Я с трудом держался, чтобы не читать её дневник, который, как я знал, хранится в верхнем левом ящике стола – это было бы бесцеремонное вторжение. Я и теперь ощущал чувство вины, но сказал себе, что превыше всего для меня – её безопасность и комфорт, а сейчас под угрозой и то, и другое. Поэтому я нажал на иконку сообщений и стал просматривать список входящих.

Большинство имён были мне известны, и всё это были девочки. Я почувствовал мимолётное облегчение, хотя тот факт, что мальчики не писали ей сообщений, не исключал того, что у неё могло с ними произойти что-нибудь другое. Ввёл имя Грейс, открыл недавнее сообщение, то, которое пришло только что.

У тебя всё норм? Сорри, что позвонила папе, но ты ппц меня напугала!!! Он не очень злится??

Я провёл пальцем по экрану, медля, прежде чем переступить опасную черту. Думать как Лила. Писать как Лила. Я набрал:

Фу, блин, ну и похмелье. Чо вчера было-то?

Вспыхнул овал, сообщение отправилось, и со скоростью света пришёл ответ:

Ты ваще ничо не помнишь?

Моё сердце колотилось. Я изо всех сил старался печатать как можно быстрее.

Неа (расскажи).

Я затаил дыхание. На этот раз ждать ответа пришлось дольше.

Ты была в отключке. Прости, прости, что я тебя бросила одну! Я же не знала, что ты тааак напилась! Чо ты пила? И чо у вас с Финчем?

Не знаю, – ответил я.

Грейс отправила мне грустный смайлик и вслед за ним ещё одно сообщение:

Тут, блин, такое... кто-то выложил твою фотку. Хз кто, но, по-моему, Финч.

Чувствуя подступающую тошноту, я написал:

Какую фотку? У тебя она есть?

Есть.

Перешли мне.

Я старался держать себя в руках, когда картинка всплыла на экране, слишком маленькая, чтобы что-то разглядеть. Нажал, чтобы увеличить, приблизил и увидел свою малышку на кровати. Она лежала на спине, грудь была голой. Меня едва не вырвало, как Лилу вечером, но приступ тошноты сменился яростью, когда я прочитал комментарий к фото:

Похоже, эта девчонка получила свою зелёную карту.

Твою мать, – написал я, забыв на секунду, что я – Лила. Хотя с подружками она наверняка материлась. *Что это за херня?*

Хз. Он тебя обзывает нелегалкой, что ли? Ты же полубразильянка, да?

Нихера, я американка. Да хоть бы и да... – напечатал я, слишком сильно разозлившись, чтобы закончить фразу.

Грейс ответила:

Понимаю ((это пиз. Но зато ты такая секси!

Я покачал головой, поразившись глупости этого замечания, и едва себя не выдал – всё равно они обе это выяснили бы – но решил ничего больше не писать. Моё сердце просто не выдержало бы.

Мне пора, – написал я.

Ок. На связи! – ответила Грейс.

Я удалил переписку. В моей голове всплывали ужасные кадры – несколько воображаемых и один весьма реальный.

– Готова рассказать, что случилось? – спросил я Лилу спустя несколько часов, когда она наконец выплыла из спальни. Вид у неё был задумчивый и сконфуженный. Я сидел в гостиной и ждал её.

– Ты и сам знаешь, что случилось, – ответила она мягко. Вероятно, они с Грейс уже вывели меня на чистую воду. Телефон она сжимала в руке. Потом положила на чайный столик, экраном вниз, и села рядом со мной, по всей видимости, чтобы не смотреть мне в глаза. – Я слишком много выпила.

– Даже *немного* пить тебе не стоит, – заметил я. – Ты несовершеннолетняя.

Она придвинулась ближе, положила голову мне на плечо и тяжело вздохнула.

– Я знаю, пап. – Она давила на жалость, искала сочувствия, но я оставался непреклонным.

– И сколько же ты выпила? – продолжал я.

– Не так много, ну честное слово. – Её голос дрожал, и я не знал, раскаяние тому виной или похмелье.

– И часто ты так напиваешься?

– Нет, пап... совсем не часто.

– Значит, это первый раз?

Она немного помолчала, прежде чем ответить – это, конечно, означало, что не первый, но ещё и то, что она сомневается, врать мне или нет. Потом, решившись, твёрдо сказала:

– Да.

Я поднялся, обошёл диван и сел в кресло напротив неё.

– Ладно, вот как мы поступим, – сказал я твёрдо и негромко, переплетя пальцы. – Я хочу, чтобы ты была со мной откровенна. Я не буду тебя наказывать, а ты не будешь мне врать. Иначе та жизнь, к которой ты привыкла, закончится очень и очень надолго. Это ясно? – Лила кивнула, не глядя мне в глаза. – Когда ты впервые попробовала алкоголь?

– Прошлым летом, – сказала она, не сводя глаз со своего колена.

– Значит, ты пьёшь с прошлого лета?

Она немного помолчала, потом кивнула.

– Да. Но не всё время. Иногда.

Я набрал в грудь побольше воздуха и сказал:

– Ну, начнём с этого. С алкоголя.

– Пап, – сказала она, устало вздохнув. – Я знаю...

– *Что* ты знаешь?

– Знаю, что ты сейчас скажешь.

Я поднялся. Да, с её стороны это был блеф.

– Ладно, Лиля. Хорошо. Дело твоё. Но таким путём мы придём к необходимости тебя наказывать.

Когда я проходил мимо, она поднялась и схватила меня сзади за рубашку.

– Прости, пап. Садись. Я тебя слушаю.

Я пристально посмотрел на неё и сел рядом, вновь вспомнив ту ночь, когда вернулась Беатрикс. *Разумеется*, пьяная. Я велел ей уйти, но она вернулась на следующее утро и провела в городе целую неделю, обещая Лиле, что переедет в Нэшвилл – это была скорее угроза, чем обещание. Однажды сообщила ей, что я – чокнутый псих, с которым она не смогла жить. А потом опять свалила.

Это было семь лет назад, и с тех пор я совершенно запутался, где, по словам Беатрикс, она теперь жила (в Лос-Анджелесе, Атланте, Сан-Антонио, снова в Рио) и сколько раз проезжала мимо нашего города, радовала нас своим нетрезвым присутствием, давала Лиле пустые обещания и снова исчезала.

Не без помощи школьного психолога, с которым я побеседовал после очередной чудовищной выходки Беатрикс, я научился не говорить о ней гадости в присутствии Лилы, и до недавнего времени мне это удавалось. Но сейчас важнее было другое. К тому же, сказал я себе, алкоголизм – не черта характера, а *болезнь*.

– Нелишне будет сказать, что твоя мама – алкоголик, – начал я. Лилля щёлкнула языком и закатила глаза.

– Ну да. Я знаю, пап.

Я кивнул, стараясь подбирать слова.

– Хорошо. Тогда ты, наверное, знаешь, что алкоголизм передаётся по наследству.

– Папа, хватит! Я не алкоголик! – прорычала она. – Я не пью *так много*! И кстати, мама сейчас тоже почти не пьёт. Она ходит на собрания...

– И всё равно она алкоголик, – отрезал я. – Собрания тут не помогут. Алкоголизм заложен в генах. Опасность есть всегда.

– Я не пью *так много*!

– Ну, «так много» приходит постепенно, Лилля. Это скользкая дорожка. С твоей мамой так и случилось.

– Я всё это знаю, пап...

Я оборвал её:

– Дай мне договорить. Есть и более практические соображения. В нетрезвом виде люди часто совершают поступки, о которых впоследствии жалеют. К примеру, возьмём вчерашний вечер. Ты помнишь, что произошло?

Она пожала плечами и ответила:

– Да. – Потом добавила: – Вроде.

– Вроде? Значит, чего-то ты не помнишь.

Она снова пожала плечами.

– Да, наверное.

– Ты... была... с мальчиком?

– Пааап! – возмутилась она.

– Отвечай на вопрос, Лилля.

– Там были мальчики, если ты это имеешь в виду.

– Нет. Я не это имею в виду. Ты знаешь, *что* я имею в виду. У тебя был *секс*? – Я с трудом произнёс это слово. – Ты *могла забеременеть*?

– Папа! – закричала она, закрыв руками лицо. – Хватит! Прекрати! Нет!

– Нет – ты не могла забеременеть, потому что у тебя не было секса? Или нет – ты не могла забеременеть, потому что вы предохранялись?

Она поднялась и завопила:

– Господи, папа! Уж лучше накажи меня! Я не хочу это с тобой обсуждать!

– Сядь, Лиля, – сказал я так сурово, как только мог, не срываясь на крик. – И не смей так со мной разговаривать.

Она закусил губу и снова плюхнулась на диван.

– У тебя был секс вчера вечером? – спросил я.

– Нет, пап, – сказала она. – Не было.

– Откуда ты можешь знать, если не помнишь?

– Пап, знаю, и всё. Давай не будем об этом, ладно?

Я глубоко вздохнул, готовясь перейти к самому главному.

– Ладно. Хорошо. Кто такой Финч?

Она принялась разглядывать свои ногти. Её нижняя губа дрожала.

– Я знаю, что ты сделал, пап. Я знаю, ты переписывался с Грейс с моего телефона. Она отправила мне скриншоты. Я всё видела. Просто признай это.

Я кивнул, готовясь выслушать тираду о праве на личную жизнь. Но она как-то почувствовала, что нужно вести себя смиреннее.

– Кто он такой?

– Старшеклассник, – сказала она.

– Из твоей школы?

Она кивнула.

– Ну хорошо, – сказал я. – Сообщи об этом администрации Виндзора.

– О господи! Папа! – вскричала она и подпрыгнула. Её глаза расширились от ужаса и стали совсем дикими. – Не надо! Пожалуйста!

– Я вынужден...

– Ты не можешь! Пожалуйста! Я больше никогда не буду пить! И прошу тебя за то, что ты копался в моём телефоне! И можешь наказать меня... как угодно! Только, пожалуйста, пожалуйста, не трогай его! – кричала она, перегнувшись через чайный столик, молитвенно сложив руки.

Я привык к её мелодрамам (все подростки такие) и знал, что она начнёт брыкаться. Но всё же такая реакция показалась мне слишком бурной. Я кое-что прикинул, пытаюсь понять, какая часть этой истории мне неизвестна. Спросил, всё ли она мне рассказала; она поклялась, что всё.

– Это совершенно неважно, – добавила она.

– Это важно. Это *очень* важно, – сказал я как можно спокойнее. – И нужно что-то сделать с...

Она покачала головой и залилась слезами – настоящими слезами. Я всегда знал, когда она притворяется.

– Нет. Не надо, папа! Правда, не надо! Мы можем просто оставить всё как есть?

– Нет, Лиля. Не можем.

– Почему, пап? Ну почему? Господи! Я не хочу, чтобы об этом знали! Пожалуйста! Давай оставим всё как есть и не будем драматизировать! – взмолилась она.

Я посмотрел ей в глаза и уже готов был сдаться, лишь бы она не плакала. В конце концов, сказал я себе, ей и без того хватает трудностей. Конечно, не каких-нибудь неразрешимых трудностей, мешающих жить нормальной жизнью, но тем не менее. Во-первых, она дочь плотника, вынужденная учиться в понтовой школе, битком набитой богатыми детишками. А во-вторых, мамаша ей досталась никуда не годная. Поэтому я, само собой, хотел пойти по пути наименьшего сопротивления и согласиться на её условия. Но я сомневался, хорошо ли это кончится в итоге для самой Лилы. Может быть, мне стоило больше заниматься воспитанием дочери? Показать ей, как важно стоять за себя и за правду? И потом, если бы я смолчал, не факт, что эта проблема не выплыла бы потом из ниоткуда, как мать Лилы.

При мысли о Беатриц я вновь представил себе её лицо в ту ночь, когда сказал ей, что лучше уж *никакой* матери, чем *такая*. Это, конечно, было не так; я не должен был говорить ей эти слова; мне очень хотелось, чтобы сейчас она была рядом. Чтобы мы с Лилой были не одни.

– Посмотрим, Лила, – сказал я уклончиво. Потом поднялся и вышел, пообещав вернуться. Важнее всего сейчас было справиться с чудовищными, недостойными эмоциями и сосредоточиться на том, что мне нужно сделать. Ради дочери.

– Ты куда? – Её голос был резким и печальным.

– В мастерскую, – ответил я как можно сдержаннее. – Пей побольше воды.

Глава пятая

Нина

Рано утром в понедельник раздался звонок, которого я ждала и вместе с тем молилась, чтобы обошлось без него. Мне редко доводилось говорить с Уолтером Квотерманом, но его номер был записан у меня в телефоне. Я увидела его на экране, но мне было слишком страшно отвечать. Я дождалась, пока телефон закончит трезвонить, а потом прослушала голосовое сообщение, в котором он спрашивал, можем ли мы с Кирком сегодня зайти к нему и обсудить «серьёзный вопрос на повестке дня».

Уолтер, или мистер Кво, как называют его детишки, – загадочный директор Виндзорской академии, уже давно пребывающий в этой должности. На первый взгляд он кажется классическим серьёзным академиком – седые волосы, солидная борода, очки в тонкой металлической оправе. Но мы как-то выяснили, что в прошлой жизни он принадлежал к числу хиппи; дети где-то откопали и опубликовали в школьной газете фото мистера Кво, выступающего в Йельском университете против Вьетнамской войны. На фото его борода темнее и длиннее, кулак вскинут в воздух, в другой руке плакат: «Эй, Джонсон!¹¹ Много сегодня детей убил?» После этого он стал предметом культа многих учеников, а родители, напротив, стали меньше ему доверять. В 2016 году, накануне выборов президента, Уолтер тоже отличился, позволив себе несколько весьма откровенных отсылок к анти-трамповской коалиции и призвав коллектив Виндзора строить мосты, а не стены, чем рассердил консервативно настроенную часть Нэшвилла, преимущественно республиканцев.

Среди этого контингента был и Кирк; ещё больше он рассердился, когда в этом году начали обсуждать туалеты для трансгендеров. Я понимала его позицию, особенно с практической точки зрения, поскольку в Виндзоре был всего один ученик-трансгендер, но всегда предпочитала идти по пути наименьшего сопротивления, будь то диспуты с педсоставом Виндзора, с моим окружением и особенно с мужем. Лишь изредка я позволяла себе препираться с ним, и чаще всего на тему политкорректности – например, я настаивала, что рождественские открытки не должны ущемлять ничьих прав.

– Но «Счастливых праздников» – такое холодное и официальное поздравление, – сказал Кирк, когда мы впервые затронули эту тему несколько лет назад. Я с трудом подавила желание сказать ему, чтобы он не лез не в свои дела. Он распоряжался финансами, а я занималась открытками, подарками, декорациями и всем, что позволяло внести в нашу жизнь немного праздника. Так себе разделение, но нас устраивало.

– Ладно. Может, тогда «Счастья и веселья», «Любви и радости» или «Мира во всём мире?» – спросила я, чтобы его поддразнить.

– Терпеть всё это не могу. – Он скорчил гримасу, очевидно, пытаясь казаться смешным. Я улыбнулась, потому что он и впрямь был смешным, но подчеркнула, что многие наши друзья исповедуют иудаизм. И, между прочим, мой отец – иудей.

– Не особо верующий, – заметил Кирк.

– Он такой же иудей, как ты христианин, – сказала я.

– Да, но открытки рассылаем *мы*. А *мы* – христиане. Понимаешь, в чём тут фишка? – спросил он несколько снисходительным тоном. Я решила не сдаваться:

– Но мы поздравляем *их* с праздником. Ты обрадовался бы, получив от Капланов открытку «Счастливой Хануки»?

---

¹¹ Линдон Джонсон – 36-й президент США, в период Вьетнамской войны поддерживал правительство Южного Вьетнама в его борьбе с коммунистическими партизанами.

– Мне наплевать. – Кирк пожал плечами. – Пусть хоть с Кванзаа¹² меня поздравляют, если хотят. Но я буду делать то, что я хочу, и никто не имеет права мне указывать.

Может быть, в этом всё и дело, подумала я тогда. Кирк терпеть не может, когда ему указывают, что делать, и с годами эта черта усугубилась. Я думаю, что с возрастом все мы становимся гиперболизированными версиями самих себя; Кирк же всегда был волевым и независимым. Но порой я беспокоилась, что дело здесь больше в его властолюбии, которое росло вместе с доходами. Не так давно я обвинила его в менталитете типичного старого белого богача, из тех, что в аэропорту лезут без очереди, болтают по мобильному, когда бортпроводник просит отключить все гаджеты, и притворяются, будто не видят тех, кто безуспешно пытается влиться в поток машин (всё это Кирк неоднократно проделывал у меня на глазах). На это он ответил только, что не такой он и старый, всего сорок шесть.

Всё это я рассказала только затем, чтобы вы поняли, почему я нимало не удивилась его реакции, когда позвонила ему на работу и рассказала о голосовом сообщении Уолтера.

– А обязательно сегодня? – спросил он.

– Ну да. Разумеется, – сказала я, – у нашего сына проблемы.

– Это я знаю, – сказал он, продолжая стучать по клавиатуре. – Мы вчера целый день обсуждали, как его наказать. Уолт в курсе, как мы сильно отругали Финча?

– Нет. Конечно, нет. – Я вздохнула, думая – надо сказать ему, чтобы он хотя бы в глаза не называл Уолтера Уолтом. – К тому же я с ним не общалась – он только оставил голосовое сообщение.

– Нужно сказать ему, что мы...

– Кирк, – оборвала я, – запретить Финчу контактировать с обществом...

– И ездить на автомобиле, кроме как в школу, – продолжал Кирк.

– Да, и ездить на «Мерседес-Бенце», кроме как в школу...

– Почему такой тон, Нина? Ведь ты же *согласилась* купить ему эту машину.

Это была долгая баталия. Она продолжалась два года. Я пыталась убедить Кирка, что покупать «Гелендваген» шестнадцатилетнему подростку – возмутительная эксцентричность. Кирк парировал, что это эксцентричность лишь с точки зрения тех, кто не может такого себе позволить – а мы можем. Кроме того, он провёл аналогию с нашей мебелью и моим гардеробом, заявив, что многое в нём тоже весьма эксцентрично. И я сдалась, потому что он был прав – во всяком случае на первый взгляд. Разница стала мне ясна лишь потом. Я не подросток. Я взрослый человек. Для Финча же такая машина – дар богов, упавший с неба, автоматически воспринимаемый как должное. Глядя на Кирка и Финча, я порой чувствовала, что они хотели дорогие вещи ради статуса обладания, а я – честно вам скажу – никогда, ни разу в жизни не покупала чего бы то ни было, чтобы кого-то впечатлить. Я просто любила приобретать модные дизайнерские вещи. Для себя.

– Я помню, что согласилась, – признала я, – и теперь жалею... Ты не думаешь, что причина может скрываться ещё и в этом?

– Нет, – сказал Кирк. – Не думаю.

– Правда? Тебе не кажется, что мы его избаловали и вот результат?

Вновь застучав по клавиатуре, он забормотал:

– То, что случилось в субботу вечером, не говорит о его избалованности. Это просто глупый поступок... – Кирк умолк, и я поняла, что он не особенно сосредоточен на нашем разговоре.

– Кирк, чем ты занимаешься?

Он принялся подробно объяснять технические подробности текущего проекта, как-то связанного с системой взаимодействия с клиентами.

---

¹² Афроамериканский фестиваль, представляющий собой неделю предновогодних торжеств.

– Прости, что прерываю твою работу, но не мог бы ты на пару минут отвлечься и поговорить о Финче?

– Ладно, Нина. Хорошо, – сказал он со вздохом. – Но мы уже сотню раз это обсуждали. Весь вчерашний день. Он поступил неправильно. Он должен быть наказан. Он *уже* наказан. Но он хороший мальчик. Он просто совершил ошибку. Машина и весь наш образ жизни здесь совершенно ни при чём. Он типичный старшекласник. В его возрасте мальчики часто делают глупости.

– Как бы то ни было, всё же нужно решить вопрос... нужно ответить на звонок Уолтера.

– Ну так звони ему, – сказал Кирк таким тоном, будто это *я* испытывала *его* терпение.

– Я и собираюсь. Но сначала я хотела посоветоваться с тобой. Когда ты вылетаешь? – Я не помнила подробностей его путешествия, не помнила даже, по работе он летит, ради развлечения или, что вероятнее всего, ради развлечения, выдаваемого за работу.

– В полчетвёртого.

– Замечательно. Значит, время у тебя есть.

– Если честно, нет. Перед вылетом у меня собрание, и ещё нужно сделать пару звонков. Я глубоко вздохнула.

– Значит, сказать Уолтеру, что ты не пришёл, потому что у тебя нашлись дела поважнее?

– Господи, Нина, – сказал он, поставив телефон на громкую связь. – Не надо ему этого говорить. Скажи, что мы в курсе ситуации. Мы всеми силами стараемся её уладить. Но, конечно, мы будем рады обсудить её с ним. В данный момент рабочий график не позволяет мне прийти, но я могу встретиться с ним в конце недели или созвониться по дороге в аэропорт.

– Не думаю, что Уолтер хочет с тобой *созвониться*, – заметила я. – Он просил нас *прийти и поговорить* с ним. *Сегодня*.

– Хорошо. Но, как я уже сказал, я не могу. Так что тебе придётся пойти одной.

– Ты серьёзно?

– Я доверяю тебе выступить представителем нас двоих.

Я встряхнула головой, не веря своим ушам. Что это, пассивная агрессия? Или он прячет голову в песок? Или всерьёз думает, что Финч не совершил *ничего такого*?

– Ты вообще понимаешь, что происходит? – спросила я. – У Финча *серьёзные неприятности*. С Уолтером Квортерманом. С Виндзорской академией. У него *серьёзные неприятности*, потому что он выложил в Сеть фотографию *порнографического* характера с *расистским* комментарием.

– Хватит, Нина. Не преувеличивай. Здесь нет никакой порнографии. И расизма тоже.

– Я другого мнения на этот счёт. И что гораздо важнее, Уолтер, скорее всего, тоже. Очевидно, он хочет поговорить о последствиях этого поста...

– Может, ты перестанешь повторять глупости? – спросил Кирк. – Он ничего не постил. Просто отправил фото нескольким друзьям.

– Какая разница? – закричала я. – Всё равно что запостил! Все видели эту фотографию. Ты помнишь, как парня выгнали из Виндзора за то, что он рассылал фото своего пениса...

– Нина, перестань! Это же не член. Просто... ну, глубокое декольте.

– Кирк! Во-первых, это никакое не декольте. Ежу понятно, что из декольте не торчит сосок. Ладно, не будем об этом. Что скажешь о расистском комментарии?

– Не такой он и расистский.

– В смысле «не такой расистский?» Это как «немножко беременна?»

– Расизм может быть разной степени. Беременность – не может. Она или есть, или нет, – сказал он. – А ты просто слишком зациклена на политкорректности.

– «Похоже, она получила зелёную карту»? – процитировала я. – Ты считаешь, это нормально, Кирк?

– Нет, я не считаю, что это нормально. Я считаю, что это очень грубо, и да, *немножко* расистски. И я очень разочаровался в Финче. Очень. Ты это знаешь. Финч это знает. Но я не думаю, что ситуация дошла до той стадии, когда мне нужно отменять рейс, чтобы директор Виндзорской академии и по совместительству неадекватный либерал мог отчитать *обоих* его родителей.

– При чём здесь его политические убеждения, Кирк? – спросила я, не понимая, почему я вчера оказалась выбита из колеи, а для Кирка работа, судя по всему, была важнее сына.

– Ни при чём. Но Уолт обязательно переведёт всё на политику. Вот увидишь.

– Ты же знаешь, что в Виндзоре принят кодекс чести...

– Но Финч не нарушил кодекс чести, Нина, – сказал Кирк. – Мы с тобой вместе его читали. Это не ложь. Не обман. Не воровство. Это просто грубое замечание, но он отправил его в личном сообщении и в этот момент находился не в школе. Он не зашёл со школьного компьютера, не воспользовался их вайфаем. Я в самом деле считаю, что ты делаешь из мухи слона.

– Ладно, – прошипела я. – Ты хочешь сказать, что не придёшь на встречу?

– Сегодня – точно нет, – отрезал он. – Потому что я не собираюсь отменять рейс.

– Ну, я очень рада видеть, как ты расставляешь приоритеты. Я скажу Уолтеру, что ты занят другими делами, и отправлю тебе письменный отчёт о том, какое будущее ожидает нашего сына, – сказала я и сбросила звонок.

Не знаю, это ли на него подействовало, или я всё же смогла убедить его, насколько высоки ставки, или он просто посчитал, что я не справлюсь с задачей и не смогу вести диалог в *его* стиле. Но после того, как я отправила ему копию переписки с ассистентом Уолтера, в которой мы договорились встретиться в два, машина Кирка въехала на парковку Виндзорской академии на пять секунд позже моей. Мы переглянулись сквозь окна автомобилей, он помахал мне рукой. Я натянуто улыбнулась, всё ещё злясь и вместе с тем чувствуя огромное облегчение, что мне не придётся идти в школу одной.

– Привет, солнышко, – сказал он глуповато, когда мы оба выбрались из машин. Наклонился, поцеловал меня в щёку, приобнял. – Прости, что расстроил тебя.

– Ничего страшного, – ответила я, чуть смягчившись. Кирк не так часто извинялся, поэтому его слова кое-что для меня значили. – Перенёс рейс?

– Да, но придётся лететь в пассажирском. Бизнес-класс забит, – проворчал он.

Сейчас расплачусь, подумала я, и мы направились к каменному готическому зданию, которое показалось мне гораздо более зловещим, чем когда-либо, включая день, когда я двенадцать лет назад привела сюда Финча на собеседование.

Кирк открыл мне дверь, и мы вошли в тихий вестибюль, чересчур оснащённый кондиционерами, больше похожий на фойе, битком набитый антиквариатом, картинами маслом и восточными коврами. Шэрон, неизменный секретарь, оторвалась от папки с файлами, чтобы поздороваться. Она, разумеется, знала, кто мы такие, но сделала вид, что не в курсе.

– Добрый день. Мы к мистеру Квортгерману, – сказала я, чувствуя, как скрутило желудок.

Шэрон сухо кивнула, указала на папку-планшет, лежавшую перед ней на столе:

– Запишитесь, пожалуйста.

Я аккуратно вывела наши имена, и тут же за моей спиной появился Уолтер, державший в руке старомодный кожаный портфель оттенка, стремившегося к оранжевому.

– Кирк, Нина, добрый день. Вы весьма пунктуальны, – сказал он с тем же непроницаемым выражением лица, что и у Шэрон.

Мы поздоровались, он поблагодарил нас за то, что мы не стали тянуть с визитом.

– Не вопрос, – сказал Кирк.

– Конечно. – Я кивнула.

– Пройдёмте в мой кабинет, – Уолтер указал на дверь. Я вновь кивнула, и он повёл нас по длинному коридору, по дороге развлекая светской беседой о том, как быстро подошёл к концу учебный год, и принося извинения за шум, который доносился со стороны спортивных сооружений во дворе – там велось строительство.

– Красиво, – сказал Кирк.

– Да. Но всё ещё на начальной стадии. Предстоит многое. – Уолтер вздохнул.

– Как продвигается кампания по сбору средств? Уже достигли нужной суммы? – поинтересовался Кирк. Я поняла, что этот вопрос был задан намеренно, и почувствовала, что и Уолтер это понял.

– Да, – ответил он. – Ещё раз спасибо за столь щедрый вклад.

– Не за что, – сказал Кирк. Мне вспомнилось официальное письмо с благодарностями, внизу которого рукой Уолтера была нацарапана приписка: *Мы вам очень благодарны! Так держать!*

Спустя несколько секунд, проведённых в молчании, мы свернули в сторону и увидели кабинет Уолтера. Я осознала, что вижу его впервые за столько лет, и несколько секунд лишь разглядывала детали – потолочные балки из тёмного дерева. Стену, покрытую книжными полками. Большой стол, заваленный стопками бумаг и книгами. Когда мы наконец вошли, я заметила Финча, одиноко сидевшего в кресле. На нём была школьная форма – брюки цвета хаки, наглухо застёгнутая белая рубашка, тёмно-синий блейзер. Руки сложены на коленях, голова опущена.

– Здравствуй, Финч, – сказал Уолтер.

– Здравствуйте, мистер Квортерман, – ответил Финч, подняв голову. – Миссис Петерс сказала, что я должен подождать вас здесь. Вот я и здесь... – Он осёкся.

Прежде чем Уолтер успел ответить, вмешался Кирк:

– Мы не знали, что Финч будет присутствовать.

Было ясно, что он не одобряет такого решения или, по меньшей мере, ожидал, что нас предупредят заранее.

– Да, – сказал Уолтер. – Я вроде бы говорил об этом Нине в голосовом сообщении.

– Сомневаюсь, – пробормотал Кирк. – Ну ладно.

В дверном проёме появилась секретарша, прервав неловкость момента.

– Кофе? Чай? Вода? – спросила она. Мы все отказались, и Уолтер указал нам на пустые кресла по сторонам от Финча. Сам он уселся напротив нас на стул, таким образом замкнув круг. Скрестил ноги, прокашлялся и сказал:

– Итак. На всякий случай уточняю: всем ли известно, по какой причине мы здесь собрались? – спросил он с восходящей интонацией.

Кирк ответил «да» так громко, что я содрогнулась. Уолтер посмотрел на Финча, и тот сказал:

– Да, сэр.

– Значит, не нужно показывать вам фото ученицы Виндзора, которое сделал – и разослал – Финч? Вы оба его уже видели? – спросил он, глядя на меня, потом переведя взгляд на Кирка.

Я кивнула. Горло сжалось и пересохло, я не могла вымолвить ни слова и пожалела, что не попросила воды. Кирк сказал:

– Да. Мы, к сожалению, уже видели фотографию. Финч показал её нам, когда вернулся домой в субботу вечером. Он очень раскаивается.

Я мельком взглянула на него, слегка удивившись такой характеристике и откровенной лжи перед лицом Финча. Но лишь слегка. Он и раньше мог соврать во спасение. Да и я, если подумать, тоже, причём в обстоятельствах гораздо менее опасных.

– Стало быть, и с комментарием, который он сочинил, вы знакомы? – продолжал Уолтер.

– Да. Хотя сомневаюсь, чтобы он сам это сочинил. – Кирк хохотнул. Уолтер выдавил из себя подобие улыбки.

– Фигура речи. Но вы его видели?

– Да, – прошептала я. Стыд возобладал над нервозностью.

Уолтер молитвенно сложил руки и поднёс кончики пальцев к губам, загадочно глядя на нас. Повисла тревожная тишина. Я ёрзала в кресле, старалась набрать в грудь побольше воздуха и ждала.

– Так вот. Я считаю, что слова Финча, к сожалению, уже говорят сами за себя. Но я хотел бы дать ему возможность всё объяснить. Возможно, мы что-то упустили из вида? Недостаёт деталей?

Все посмотрели на Финча. Я ощутила внезапное желание защитить своего ребёнка и вместе с тем придушить. Помолчав немного, он наконец сказал:

– Нет, сэр. Не упустили.

– Ты хочешь как-нибудь пояснить ситуацию?

Я молилась про себя, чтобы он не начал врать, чтобы принялся искренне просить прощения, что так подшутил над невинной девушкой, обидев её, унизив, подчеркнув её недостойность принадлежать к их компании.

Но когда он наконец заговорил, то сказал только:

– Хм... нет, сэр. Я не знаю, как это объяснить. Это была просто шутка. Я и не думал, что...

Кирк внезапно обратился к Финчу по имени, резко вскинув брови.

– Да? – спросил Финч, глядя на отца.

– Я уверен, ты хочешь сказать *что-то ещё*. – Он всегда произносил эту фразу, развивая серьёзный разговор.

Финч прокашлялся и попытался ещё раз.

– Ну... если честно, я правда не знаю, как ещё объяснить... но я не хотел, чтобы получилось вот так... и я не хотел обидеть Лилу... я просто хотел... всех рассмешить, это была просто шутка... но теперь я вижу, что она совсем не смешная. В тот вечер я понял, что она совсем не смешная. Когда рассказал об этом родителям.

Я почувствовала, как все мои внутренности сжались. Сын шёл по стопам отца, безбожно коверкал правду – да что там, просто лгал! И ещё я обратила внимание, что он до сих пор не извинился. Кирк тоже это заметил, потому что сказал:

– И ты очень, очень просишь прощения, правда, сын?

– О господи... да. Конечно, да. Простите, что я так поступил. И такое написал. Я не хотел ничего такого, – выпалил Финч и, кажется, хотел прибавить что-то ещё, но вновь вмешался Кирк:

– Как вы сказали, Уолт, фото говорит само за себя. Оно неприлично. Оно неприемлемо. Но, уверен, Финч пытается сказать нам, что оно не несло никакого злого умысла. Верно, Финч?

– Конечно. – Финч кивнул. – Совершенно никакого.

Кирк продолжал:

– И я хочу, чтобы вы знали – мы очень строго наказали Финча за этот проступок. Уверю вас, Уолт.

– Понимаю, – сказал Уолтер. – Но, к сожалению, ситуация довольно сложная и требует большего, чем просто наказание.

– Да? – Кирк выпрямился, принимая боевую стойку, как я её называла. – Это почему же? Уолтер шумно вдохнул через нос, выдохнул через рот.

– Ну, во-первых, потому что мне позвонил отец Лилы Вольп. Он, что закономерно, весьма расстроен.

От моего внимания не укрылись слова «что закономерно», но Кирк продолжал давить:

– А во-вторых?

– Во-вторых, – спокойно сказал Уолтер, – этот проступок идёт вразрез с основополагающими ценностями, прописанными в своде правил Виндзорской академии.

– Но это случилось не в Виндзоре, – возмутился Кирк. – Это случилось дома у его приятеля. На частной территории. И разве эта девушка – представитель группы меньшинств?

Я уставилась на него, раскрыв рот от изумления, поражённая наглостью вопроса.

– Свод правил не имеет географических ограничений. Он относится ко всем ученикам Виндзора вне зависимости от того, где они в данный момент находятся. – Уолтер по-прежнему был спокоен. – И да, Лиля наполовину латиноамериканка.

Финч, казалось, тоже смутился бесцеремонностью отца, но возможно, он просто был вне себя от страха. Может быть, до него лишь теперь дошла серьёзность ситуации. Повернувшись к Уолтеру, он спросил:

– Мистер Квортерман... меня теперь исключат?

– Я не знаю, Финч. Но если дело дойдёт до Почётного совета – а я не сомневаюсь, что дойдёт, вопрос исключения будет решаться его членами.

– А кто входит в состав Почётного совета? – спросил Кирк.

– Восемь учеников и восемь преподавателей.

– И как это работает? Финч выступит с речью? Приведёт адвоката?

Уолтер покачал головой:

– Нет. В таких случаях мы проводим иную процедуру...

– Значит, *честного* суда не будет?

– Это не суд. И мы считаем, что он честный.

Кирк тяжело вздохнул, судя по его виду, глубоко оскорблённый.

– А если его исключат? Какие могут быть последствия? Что мы, собственно говоря, обсуждаем?

– Зависит от ситуации. Но если Финча исключат, он не сможет принять участия в церемонии выпуска. И мы вынуждены будем сообщить колледжам, готовым его принять, о его исключении.

– Он только что поступил в Принстон, – сказал Кирк.

Уолтер кивнул и ответил, что он в курсе и что поздравляет.

– Спасибо, – в один голос сказали Кирк и Финч. Кирк прибавил:

– Ну так что?

– Я не совсем понимаю, о чём вы.

– Раз он поступил в Принстон?

Мистер Квортерман потёр ладони и пожал плечами, подозрительно равнодушный.

– Как отреагирует Принстон на сообщение об исключении Финча, зависит уже от Принстона.

Глаза Финча широко распахнулись.

– Так они могут меня не принять?

– Пересмотреть приказ о зачислении? – уточнил Уолтер. – Да, конечно. Это частный институт, совсем как наша школа. Они могут поступить так, как сочтут нужным с учётом обстоятельств.

– Ого, – выдохнул Финч.

– Да, – сказал Уолтер. – Поэтому, как видите... последствия могут быть самыми серьёзными.

– Ради всего святого! – вскричал Кирк. – Из-за полуминутной глупости пойдут насмарку восемнадцать лет работы?

– Кирк, – сказал Уолтер, и тон его голоса и поза стали чуть представительнее, – мы ещё не знаем решения совета. И не знаем, как поступит администрация Принстона, если Финча

исключат. Тем не менее я уверен, что вы осознали серьёзность ситуации, а также расистского комментария вашего сына.

Вот оно. Слово на букву «Р». Я сама произнесла его вслух, перед Кирком и Финчем – но гораздо ужаснее было слышать его от другого. На глаза у меня навернулись слёзы. Кирк глубоко вздохнул, как бы перегруппировываясь.

– Ладно. Хорошо. Но, возможно, есть какой-то способ уладить ситуацию без свидетелей? *Всё* будущее нашего сына под угрозой, Уолт.

– Почётный совет пройдёт без свидетелей. Все процедуры проходят строго конфиденциально.

– Хорошо. Но я имею в виду... *вообще* без свидетелей.

– Вы имеете в виду – не выносить ситуацию на рассмотрение совета? – Уолтер поднял бровь.

– Да. Я имею в виду... что, если мы поговорим с родителями девочки?

Уолтер хотел что-то ответить, осёкся и начал заново:

– Можете позвонить отцу Лилы, если хотите. Не думаю, чтобы это могло изменить ситуацию... Но как показывает мой опыт, искренние извинения никогда не помешают в таких случаях... да и вообще в жизни.

В этот момент я увидела, что Кирк начертил план, по которому намерен двигаться. Я хорошо знала это расслабленное выражение его лица, этот блеск в глазах.

– Вот и хорошо. – Он потёр ладони. – Начнём с того, что позвоним её родителям.

Уолтер кивнул, и вид у него сделался встревоженный.

– Её воспитывает только отец, – сказал он.

– Надеюсь, у вас есть его номер? – спросил Кирк, ёрзая на стуле и глядя на часы.

– Есть, – ответил Уолтер.

Мне тоже захотелось сказать что-нибудь значительное, чтобы немного сгладить внезапную высокомерность Кирка, но он, судя по всему, уловил что-то такое, чего я никак не могла понять.

– Вот и замечательно. – Он резко встал. – Мне неловко вот так уходить, но мне пора вылетать. Я и так отменил предыдущий рейс ради нашей встречи.

– Мне жаль, что вам пришлось изменить планы, – сказал Уолтер тоном, в котором не чувствовалось ни капли жалости.

Мы оба встали. Кирк ответил:

– Ничего страшного. Это вообще не проблема.

– Хорошо. Замечательно. Спасибо, что пришли. – Уолтер пожал руку мне, потом Кирку.

Наконец повернулся к Финчу и сказал:

– Ну что ж, молодой человек, можете возвращаться в класс.

– Да, сэр. – Финч поднялся. Посмотрел на отца, чуть выпрямил спину.

– Ты больше ничего не хочешь сказать, сын? – поинтересовался Кирк.

Финч кивнул, глубоко вздохнул, перевёл взгляд с отца на Уолтера.

– Я хочу сказать... что мне очень стыдно, я прошу прощения за все неприятности и готов к любым последствиям, какими бы они ни были.

Его слова казались искренними, и я поверила, что он в самом деле раскаивается. В конце концов, ведь это мой сын. Ему должно было быть стыдно.

Но когда Уолтер кивнул и чуть потрепал его по спине, я увидела в глазах Финча некую решимость. Что-то, что было во взгляде его отца, и отчего моя дрожь во всём теле усилилась.

Глава шестая

Лиля

Заявляю официально – я ненавижу свою жизнь. Вообще всё, что в ней есть. Ну то есть, конечно, всё могло быть и хуже. Я могла быть бездомной, или смертельно больной, или жить в стране, где боевики обливают девочек кислотой, когда те идут в школу. Но если не сравнивать с такими серьёзными трагедиями, в моей жизни трудно найти что-то хорошее.

Во-первых, папа отругал меня за то, что я напилась. Он очень расстроился, и рассердился, и разочаровался во мне (последнее хуже всего). Во-вторых, вся школа увидела мою грудь. Но это ещё можно было пережить. Потому что папа всё равно рано или поздно простил бы меня, а фото, пусть даже унижительное, было, по крайней мере, красивым. Очень крутым и стильным, хотя я никому об этом не сказала. Даже Грейс, моя лучшая подруга, признала, что на этой фотке я шикарна. Волосы лежат идеально. А маленькое чёрное платье – просто огонь! Оно стоит тех денег, какие я заработала, сидя с ребёнком, – всех до единого цента! Такое впечатление, что я специально позировала... если не считать соска. Этот чёртов сосок всё испортил. И комментарий насчёт зелёной карты – как обидно для иммигрантов! Я подумала о семье Сайед, раньше жившей с нами по соседству. Это самые милые люди из всех, кого я знаю. Они стали гражданами Америки всего пару лет назад (я сидела с их ребёнком, пока они получали грин-карту), и я помню, какие гадости отпускали некоторые неудачники по соседству. Про то, что мусульманам здесь не место, и всё прочее. И это при том, что у нас были классные соседи – много художников и музыкантов, которые никогда не были ни грубыми, ни предвзятыми.

Конечно, я понимаю, почему расстроился папа – из-за соска и комментария. Я тоже. Но сердце мне разбило не это.

Во всём виноват *Финч Браунинг*. В которого я влюблена вот уже два года. Финч – такой популярный, что мне точно ничего не светит, и у него красивая девушка, Полли, такая же идеальная, как он сам. Влюбляться в него – пустая трата времени, но что я могла с собой поделать? Грейс, которая всегда старается мне помочь и иногда этим бесит, сказала, что это глупое увлечение. Ведь я его даже не знаю. Но мне казалось, я его знаю – так я пристально наблюдала за ним день за днём. Я знала, что Финч – спокойный и серьёзный, не то что его придурки-одноклассники, но у него отличное чувство юмора, он сдержанно саркастичен. Я знала, что он очень умный, что он отличник. Его шкафчик всегда в полном порядке, и салон машины тоже (я пару раз туда заглядывала). Он никогда не опаздывает и не врывается в класс со вторым звонком. У него всё под контролем. Но, конечно, меня притягивает не его «исполнительное функционирование», как говорят наши школьные психологи. Меня, как это часто бывает, притягивает что-то, чего я сама не могу понять.

Просто Финч такоооой клаааасный! Я обожаю его светлые волосы, и глубокие голубые глаза, и уверенную походку; в футбольной форме он такой секси, но даже и в школьной – тоже. Но больше всего я обожаю, как он смотрит на меня. Помню, как он посмотрел на меня впервые. В прошлом году, на третий день после того, как я перешла в эту школу. Мы были в столовой, относили на место подносы, он начал разговор со мной и улыбнулся. И я растаяла. Я всегда таяла, когда он рядом. Мне казалось, между нами что-то есть, даже что-то взаимное. Какие-то искры.

Спустя три месяца, когда я наконец призналась Грейс в своих чувствах к Финчу и в том, что он на меня смотрит, она сказала, что он просто так флиртует, и нечего строить иллюзии. Он никогда не бросит Полли. Но даже Грейс согласилась, что он не просто так смотрел мою страницу в Инстаграме и даже лайкнул несколько старых селфи. Мы обе решили, что я ему, по крайней мере, нравлюсь.

И вот в прошлую пятницу Бью пригласил нас на вечеринку. Мы с Грейс опять были в столовой, стояли в очереди за салатом, и к нам подошёл Финч.

– Привет, – сказал он, глядя прямо на меня.

– Привет, – ответила я, чувствуя, как умираю.

– Что вы, девчонки, делаете завтра вечером? – спросил он.

Я хотела сказать правду – что ничего не делаем, но Грейс меня опередила и ответила, что выбираем из нескольких вариантов.

– В общем, Бью собирает тусовку. Если вы придёте, будет классно.

– Ну, может, и заглянем, – сказала Грейс, как будто старшекласники каждый день приглашают нас на вечеринки.

– Да, постараемся, – подыграла я.

На следующий день мы старались держать себя в руках, пока готовились к вечеринке, обсуждали по фейстайму, кто в чём пойдёт, и придумывали, что я скажу папе. Конечно, правду говорить было нельзя. Мой папа куда строже, чем родители Грейс, и я не могла так рисковать. Что, если бы он меня не отпустил или, не дай бог, позвонил родителям Бью, которые наверняка не в курсе этой тусовки. Я была наслышана о том, сколько этому Бью сходит с рук.

Как я и ожидала, чуть не разразился скандал, и я замучилась доказывать папе, что пойду делать уроки. В конце концов он меня отпустил, только сначала промыл мозг как следует на тему того, что надо быть осторожной.

И я была осторожна. Сначала. И Грейс тоже. Мы лишь чуть-чуть выпили, когда одевались у неё дома. По бокалу шардоне. Это было очень солидно, мы почувствовали себя совсем взрослыми и пообещали, что не напьемся, не будем вести себя как идиотки, ну и всё такое.

Но когда мы пришли к Бью, я так разнервничалась при виде Финча, да ещё не в школе, что у меня закружилась голова, я забыла о своём обещании и принялась за виски с колой.

Большей частью мы с Грейс стояли на кухне и украдкой наблюдали за Финчем и его друзьями, которые хохотали и играли в «пьяное Уно». Каждые несколько минут к Финчу подходила Полли, то садилась на ручку его кресла, то наклонялась, чтобы шепнуть что-то Финчу на ухо или погладить по шее. На ней была джинсовая мини-юбка, белая майка на тонких бретельках и сандалии-гладиаторы; ремешки доходили до стройных лодыжек. Светло-рыжие волосы она заплела во французскую косичку, в ушах блестели бирюзовые серёжки, шею украшал кожаный чокер. Я до боли ей завидовала – честное слово, у меня заболела грудь, и я сказала Грейс, что хочу домой, но внезапно заметила взгляд Финча.

Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Грейс тоже это заметила и не на шутку разволновалась.

– Господи, – прошептала она, – да он же флиртует с тобой на глазах у Полли!

– Я знаю, – ответила я, не сводя с него глаз и чувствуя, как колотится сердце.

Потом, когда Полли принялась рассказывать Финчу подробности чьих-то там отношений, мы с Грейс поднялись наверх, в спальню Бью, где несколько человек курили вейп и слушали наркоманскую музыку. Мы тоже пару раз затянулись, выпили немного пива, которое Бью прятал в ванной, Грейс сказала, что здесь слишком вяло, и пошла обратно вниз. Мне захотелось спать, я пообещала скоро прийти, свернулась на кровати Бью и ненадолго закрыла глаза. Это последнее, что я помню, прежде чем отключилась. Следующий кадр – я сижу на полу туалета рядом с папой, меня рвёт и хочется плакать.

Глава седьмая

Том

Весь вечер Лила умоляла меня, как она выразилась, не стучать на Финча. Привела все возможные аргументы. Что я делаю из мухи слона. Что Финч – замечательный парень, и неужели мы хотим разрушить его будущее? (Лично я хотел.) Что если я раздую скандал, фото увидят ещё больше людей, и у неё самой будут проблемы в школе оттого, что она так напилась (ценное замечание, но я был готов на эти риски ради справедливости).

Я сделал вид, что подумаю над её словами, что ещё не принял решение, но в понедельник утром, стоя на парковке перед школой, битком набитой богатыми детишками, я ясно осознавал, что ни в коем случае так этого не оставлю. Иначе о каком самоуважении может быть речь?

– Хорошего дня, пап, – сказала Лила, выбираясь из машины и с мольбой глядя на меня.

– И тебе, солнышко, – ответил я, отводя взгляд. Она продолжала на меня тарачиться, потом чуть слышно прошептала:

– Пожалуйста, папа, не звони сегодня в школу.

– Я тебя люблю, – сказал я в ответ.

– Я тебя тоже, пап. – Она закрыла дверь машины. Я смотрел, как она идёт, и чувствовал тошноту.

Когда она ушла, я поехал в мастерскую, но не сразу вышел из машины. Сперва я нашёл номер директора Виндзора. Лила называла его мистером Кво, и он вроде бы ей нравился, но после нескольких встреч он произвёл на меня впечатление заносчивого сноба. Я заранее готовил себя к худшему развитию событий, набирая его номер. Я не думал, что он открыто примет сторону Финча, но немного понимал, как устроен мир. Во-первых, они из одного теста. Во-вторых, таким, как Финч, всегда всё сходит с рук – и мы никак не в силах повлиять на эти обстоятельства.

Сжав зубы, я слушал ответные гудки. Потом подошла женщина.

– Кабинет мистера Квортермана, – сказала она.

– Позовите его, пожалуйста, – попросил я. Она сказала, что мистер Квортерман на собрании, спросила, не хочу ли я оставить для него сообщение.

– Да. Передайте, – сухо сказал я, – это Том Вольп. Отец Лилы Вольп. Старшеклассницы.

– Хорошооо. И... по какому вопросу?

Я рассердился. Конечно, эта женщина никак не могла знать, что произошло. И всё же её равнодушный тон меня выбесил. Я вдохнул поглубже и ответил:

– По вопросу непристойного фото моей дочери, сделанного учеником Виндзора.

– Что, простите? – спросила она таким тоном, словно я только что её оскорбил.

Чувствуя, как поднимается давление, я произнёс с нарочитой медленностью:

– Один из учеников Виндзора, юноша по имени Финч Браунинг, на вечеринке в выходные сфотографировал мою дочь, Лилу. Она заснула, и одна её грудь была видна. Потом он написал к фотографии расистский комментарий и разослал своим приятелям. Я очень недоволен и хотел бы обсудить этот случай с Уолтером Квортерманом. *Сегодня.*

– Да. Да, конечно, мистер Вольп, – сказала она, сменив тон на всерьёз обеспокоенный. – Я попрошу его с вами связаться. По какому номеру вам было бы удобно?

Я сообщил ей свой мобильный и положил трубку, не попрощавшись. Не прошло и минуты, как позвонили мне.

– Слушаю вас, – сказал я.

– Мистер Вольп?

– Да.

– Это Уолтер Квортерман. Вы просили перезвонить. – Его тон был вежливее, чем при личном общении, почти деликатным. Это немного смягчило меня, но не настолько, чтобы рассыпаться в любезностях. Я предпочёл перейти сразу к делу и рассказал обо всём, не упуская деталей, в том числе о том, что Лила злоупотребила алкоголем. Он ни разу не перебил меня, терпеливо ожидая, пока я закончу рассказ, а потом сообщил, что уже видел фотографию – кое-кто из родителей на выходных отправил её ему.

Я ощутил облегчение и вместе с тем ярость. Хорошо, что он её видел – трудно было передать словами, до какой степени она оскорбительна. Но вместе с тем мне не давала покоя мысль, что он и многие другие видели мою маленькую девочку в таком состоянии. И почему он *сразу* мне не позвонил?

Мне стало чуть лучше, когда он сказал, что уже созвонился с родителями Финча.

– Уверяю вас, мы разберёмся с этой ситуацией и поступим сообразно ей, – заявил он спокойно, но без снисходительности.

– Спасибо, – ответил я.

– Но должен вас предупредить, мистер Вольп, – сказал он. – Не знаю, стоит ли касаться этой темы, потому что она не относится напрямую к насущному вопросу, но вы в курсе, что употребление алкоголя, даже вне школы, противоречит нашему кодексу этики?

– Да, – ответил я, потому что вчера вечером почитал на сайте информацию о Виндзоре и выяснил, что за употребление алкоголя нет формального выговора, только предупреждение, которое вносится в личное дело ученика. С Лилой такое произошло впервые, так что сильно не навредило бы ей, зато могло послужить аргументом в наших дискуссиях на тему алкоголя и уроком на будущее. Всё это я сказал Квортерману, потом добавил:

– Хочу, чтобы вы знали – я очень серьёзно отношусь к выпивке.

– Приятно слышать, – ответил он. – Вы удивитесь, Том, но многие родители смотрят на такое сквозь пальцы. Когда взрослые внушают детям разные ценности, это очень осложняет дело.

– Да. – Я немного подумал, потом добавил:

– Мать Лилы – алкоголичка.

– Сочувствую. – По его голосу было похоже, что он в самом деле сочувствует.

– Да всё нормально, – сказал я. – Она с нами не живёт. Это просто... медицинский факт о моей дочери, почему я о нём и упоминаю.

– Да, понимаю.

– И ещё я хочу сообщить, что моя дочь была в отключке, когда было сделано это фото. Не позировала намеренно. Она была без сознания... совершенно беззащитна.

– Я знаю, Том.

– Если честно, меня больше оскорбил комментарий, чем фото, – признался я, потому что, будучи откровенен сам с собой, мог представить, что в глупой юности сделал бы то же самое, имея при себе мобильник, напившись и увидев девчонку с голой сиськой. А вот комментарий – совсем другое дело. Он был не только неуместен – Лила такая же американка, как этот парень, – он ещё и оскорбителен. – Это уже переходит все границы.

– Согласен на сто процентов.

– Он должен быть наказан.

– Да. И скорее всего, будет.

Вот и первый красный флаг. Я почувствовал, как во мне вновь разгораются цинизм и вместе с тем ненависть к себе – за то, что позволяю ему так с собой разговаривать.

– *Скорее всего?* – подчеркнул я. – Простите, но разве здесь должен ставиться вопрос? Мы оба видели фото. Мы оба читали комментарий. По-моему, здесь и обсуждать нечего.

– Да, да. Я понимаю, Том, – сказал он. – Но это длительный процесс... Нам нужно услышать его точку зрения, какой бы она ни была. Довериться процессу, рассмотреть оправдания.

– Тому, что он сделал с Лилой, *нет* оправданий.

– Согласен. Но мы всё же должны выяснить все факты. И если переключить внимание с Финча на Лилу, то... – Он помолчал. – Я хочу, чтобы вы понимали: если дело получит огласку, то в следующие несколько дней или даже недель могут возникнуть последствия, неприятные для Лилы.

– Вы имеете в виду предупреждение, которое внесут в её личное дело? – спросил я, надеясь, что всё правильно понял. Я сказал себе, что это не страшно. У меня не было выбора.

– Нет... ну, в общем-то, да, и это тоже. Но я сейчас о более серьёзной проблеме – неизбежной негативной реакции. К сожалению, такое временами случается, хотя это весьма несправедливо.

– Реакции? Какой, например? Мы говорим о социальной реакции?

– Да. Со стороны других учеников. Её одноклассников, – прокашлявшись, сказал Квортман. – Такое поведение несправедливо, но более чем вероятно. Уже были случаи.

– Хотите сказать, Финч – большая шишка? И в школе к Лиле станут хуже относиться? – Я вновь занервничал, тон стал напряжённее.

– Я бы так не выразился, конечно, но да, репутация Лилы окажется под угрозой. И, конечно, история с этим фото ещё больше подольёт масла в огонь. Вы и ваша дочь готовы к возможным неприятностям?

– Да, – сказал я. – Во-первых, фото и так все видели. Сами знаете, как быстро распространяются сплетни. Уверен, о нём уже знает вся школа. Во-вторых, Лиля совершила глупость, когда перебрала с алкоголем, но не сделала ничего такого, чего следовало бы стыдиться. Стыдно должно быть Финчу. Фото больше говорит о нём, чем о ней. Надеюсь, Виндзор сумеет внушить эту мысль всем ученикам и студентам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.